

СОВРЕМЕННЫЙ
ВСЕПЕТЕРБУРГ

Scriptorium

СОВРЕМЕННЫЙ ВСЕПЕТЕРБУРГ

Под ред. А. Т. Аверченко

Salamandra P.V.V.

Современный Всепетербург. Под ред. А. Т. Аверченко. С илл. В. Н. Невского, А. А. Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и др. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 70 с., илл. — (Scriptorium).

«Современный Всепетербург» (1908) — первый и, пожалуй, наиболее редкий альманах легендарного журнала «Сатирикон», своеобразный юмористический и сатирический путеводитель по Петербургу. Читатель найдет здесь изображения продажных гласных городской думы, вымышленные «портреты» знаменитых поэтов, писателей и журналистов, хлесткие и такие же вымышленные интервью с деятелями черносотенного лагеря, описания театров и ночных развлечений столицы (немало места уделяют авторы и теме петербургских «жриц любви»). Книгу снабдили иллюстрациями и шаржами виднейшие художники «Сатирикона», а значительная часть текста была написана самим редактором журнала А. Аверченко.

СОВРЕМЕННЫЙ ВСЕПЕТЕРБУРГ

„СОВРЕМЕННЫЙ ВСЕПЕТЕРБУРГЪ“.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ КЪ ЖУРНАЛУ „САТИРИКОНЪ“ („СТРЕКОЗА“)

 ЗА 1908 ГОДЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. Т. АВЕРЧЕНКО.

съ иллюстраціями В. Н. Невскаго, Л. Л. Радакова,
Н. В. Ремизова (Ре-ми), А. Юнгера и др.

ИЗДАНИЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

ПЕТЕРБУРГ КАК ТАКОВОЙ

Главный город Российской Империи находится в Петербургской губернии, в честь чего он и назван Петербургом.

Со времени основания его Петром Великим он лежит между $59^{\circ} 59' 46''$ и $59^{\circ} 54' 18'$ с. ш. и между $30^{\circ} 13' 38'$ и $30^{\circ} 25' 26'$ в. д. — и с тех пор не сдвинулся ни на вершок.

Если петербуржец заблудится где-нибудь в окрестностях, то ему стоит только сообщить встречному извозчику вышеприведенные цифры — и извозчик сейчас же отыщет по ним затерявшийся Петербург.

Никогда и никому не нужно забывать, что в Петербурге есть острова: Васильевский, Крестовский, Петербургский и другие — которые отличаются от зондских и филиппинских тем, что жители их не едят своих ближних в жареном или ином виде, не носят в ноздре медного кольца и свечи употребляют не как приправу к кушаньям, а главным образом для освещения.

Народонаселение в 1897 году было равным счетом — 1.132,677 человек, но, так как петербуржцы с тех пор не жили монахами, то оно в настоящее время значительно возросло.

Не щадя затрат, редакция «Стрекозы» от себя образовала тайную комиссию для негласной переписи и, произведя ее, обнаружила, что к 1-му января 1909 года всех петербуржцев числилось $1.347,592 \frac{1}{2}$ человека. (Дробь получилась потому, что в момент переписи трамвай перерезал одного господина и, так как он был пожарным репортером, то верхнюю часть тела за ненадобностью выбросили, а нижняя по-прежнему правильно функционировала, вовремя поспевая на пожары).

Мужчин в Петербурге более, чем женщин, на 210,511 человек, не считая Глаголина, который играет Орлеанскую Деву. Впрочем, во время приезда в Петербург Сарры Бернар, Глаголин компенсируется тем, что Сарра превращается в Гамлета или Герцога Рейхштадского...

По занятиям народонаселение располагается так: 56 % живет промыслами и торговлей, 16 % казенной службой и свободными профессиями, 13 % личными услугами, 6 % доходами, 5 % занимается воровством, мошенничеством и грабежами, а остальные 4 % — без определенных занятий. Впрочем, эти проценты всегда перепутываются, и часто казенная служба попадает в 5-ую категорию, увеличивая ее процентов на десять, а последняя, 6-ая категория распухает всегда, когда за-

крыта какая-нибудь газета (см. свободн. профессии) или получили отставку престарелые адмиралы.

Промышленность в столице — обрабатывающая, потому что жители ее, главным образом, обрабатывают друг друга. Добывающая промышленность, являясь разновидностью обрабатывающей, заключается в том, что граждане занимают один у другого «красненькую до послезавтра».

Флора в Петербурге очень скудная.

До сих пор — самое популярное дерево — береза, дающая гражданам обильное и дешевое кушанье — кашу, чем всякий человек и бывает сыт... Из злаков распространена солома, идущая на набивку голов золотой молодежи, а также на изготовление соломенных вдов, которых в столице по нашей переписи в десять раз больше, чем вдов, обтянутых черным крепом.

Фауной столица тоже блеснуть не может.

Большинство представителей петербургской фауны — млекопитающиеся, принадлежащие к разряду хладнокровных, толстокожих.

Это самое характерное для Петербурга животное, и его можно встретить везде — на улицах, в клубах, департаментах и светских гостинных.

Место, выбранное Петром Великим для постройки Петербурга, нельзя не признать очень удачным.

Его климат таков, что большая часть петербуржцев, не успевши родиться — торопится поселиться где-нибудь в здоровой сухой местности (Митрофаниевское, Волково, Смоленское, Преображенское и др. дачные места).

Конечно, это имеет свою хорошую сторону, — потому что в трамваях делается свободнее и квартиру найти легче.

Эта предусмотрительность в выборе площади для возведения столицы — лишний раз указывает на ширину кругозора и гений Великого Преобразователя...

Достопримечательностей Петербурга так много, что нет возможности их перечислить...

Главное, что восхищает иностранцев, это мосты, строя которые, инженеры применили крайне удобное нововведение, удешевившее постройку во много раз... Именно — мосты построены не вдоль, а поперек реки. По мостам этим можно ездить туда и обратно, кроме Египетского, — по которому удастся ездить только туда.

Вторая достопримечательность столицы, — белые ночи, введенные для сокращения расходов по освещению.

Благодаря этому, граждане экономят на свечах, проигрывая сбереженные деньги в карты, а покупаемые карты дают главный доход Воспитательному Дому, который существует для урегулирования мимолетных увлечений тех же граждан и, таким образом, этот круговорот регулирует петербургскую жизнь... Это можно назвать политической экономией, а можно и не называть — как кому нравится.

Многих приводит в удивление и восхищение так называемая Стрелка.

Эта штука придумана специально для сухих, недоверчивых скептиков-петербуржцев... Часто в душу этих тоскующих, разочарованных людей закрадывается тяжелое сомнение: да есть ли в самом деле солнце над Петербургом, и не называется ли у астрономов как-нибудь иначе тот душный неприятный аппарат, который целыми днями висит летом над столицей? И если этот тяжелый аппарат, — действительно солнце, то закатывается ли оно, и как бы это проверить?

Стоит только такому сомнению забраться в душу петербуржца, как он берет из-

возчика и едет на Стрелку... Здесь он убеждается, что сомнительная вещь, — действительно солнце, что это солнце закатывается, и что в столице жить не так уж худо.

Облегченный, успокоенный, едет тогда домой несчастный скептик.

Вот почему летом на Стрелке можно видеть экипажи всех родов и образцов, кроме ломовых телег и катафалков, кататься на которых петербуржцы, не без основания — считают признаком дурного тона...

Самое культурное учреждение Петербурга — это Зоологический сад.

Он служит специально для уничтожения диких хищных зверей, приносящих таковой ужасный вред разным земледельцам и прочим неграм. Уничтожаются эти бичи человечества медленно и безболезненно. Уничтожение производится так: тигров, львов и медведей ловят на месте их жительства и привозят в Петербург. Здесь этих зверей помещают в Зоологический сад и делают вид, что забыли о них. И зверям выпадает на долю только одна пустяковая работа — издохнуть как можно скорее...

Вот почему Петербург называется культурным городом и в прогрессивных газетах заведен даже отдел: культурная хроника.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДУМА

Есть в Российской Империи небольшой, но очень любопытный городок:

— Санкт-Петербург.

В этом городке есть тихая маленькая улица — Невский проспект, а на этой маленькой тихой улице построено здание, увенчанное стройной каланчой.

Некоторые упорно утверждают, что в здании, увенчанном каланчой, собираются люди и, усевшись поудобнее, начинают рассуждать — как бы сделать так — чтобы в Петербурге все хорошо было.

Так как это продолжается много лет, а в Петербурге по-прежнему нехорошо, то едва ли цель таинственных собраний именно та — на которую, как сказано выше, упорно указывают некоторые.

Просто — собираются, пьют чай и тихо беседуют о своих домашних делах.

За это их называют гласными С.-Петербургской городской думы...

Городским головой пожелал быть Н. А. Резцов и против этого никто ничего не имел... Впрочем, он такой добрый, ласковый и мягкий, как булка, такой благодушный, что и мы ничего против него не имеем...

Председатель думы — граф А. А. Бобринский — сух, грустен и безнадежно уныл. Это имеет, конечно, свое оправдание: дела такие, что не развеселят.

Многие будут удивлены, когда узнают, что некоторые из гласных употребляют-ся в пищу.

Это неслыханное в двадцатом веке каннибальство свило себе прочное гнездо в самом центре Петербурга: в «Петербургской газете» и «Листке».

Самые съедобные гласные, на которых сотрудники этих газет округлили свои животы — это Глазунов и Оппенгейм.

Н. А. РЫЦОВЪ.

Городской Голова съ цѣпью.

Каждый день на одном и том же месте газета клятвенно утверждает, что Глазунов ест севрюгу и никого не подпускает к общественному пирогу, протезируя в то же время (заметьте! заметьте!) своим родственникам.

А Оппенгейма обвиняют в том, что он генерал, что болтается по курортам, что совсем не смотрит за холерой.

Оппенгейм недоумевает:

А чего, спрашивается, за ней смотреть? Сама пришла — сама и уйдет. Бог дал, Бог и взял. Выдумали еще какую-то санитарную часть... Русская пословица говорит, что нехорошо выносить сор из избы, и я, хотя из немцев, а русскую народную мудрость уважать умею...

Когда Оппенгейму сообщили, что в городских фильтрах нашли холерные вибрионы, он добродушно улыбнулся и сказал:

— Вишь ты, подлые... Залезли куда!.. А нельзя их разве, того...

— Что — того?

— Того, этого...

— Чего — этого?

— Ну, как его... Поймать их и вытащить, а потом убить... Можно пригласить

мясников из скотобойни — пусть они их зарежут.

— Кого-о-о?

— Да этих... вибрионов. Они большие уже, вероятно?

На него посмотрели с недоумением, пожали плечами и отошли, сказавши:

— С вас ростом будут!

Старичок долго потом смеялся.

Еще есть в думе Демкин — душа-человек: умеет плясать русскую и, будучи в душе страшно трудолюбивым, предлагает бить жидов не только в будни, но и по праздникам.

Есть в думе еще Тройницкий, Оношкович-Яцына, Ганьков, Кречинский, Расплюев, Чичиков, Добчинский и Бобчинский.

Все они делают, что каждому полагается, и если Бобчинский бурно поспорит с Добчинским — кто первый сказал «э!» — то им дадут какой-нибудь подряд, и они успокоятся.

Чичиков употребляется на разные тонкие деликатные дела, благодаря своим связям и умению обращаться с людьми, а также благодаря тонким духам и изящно сшитому смокингу, который заменил устаревший брусничный фрак.

Кречинский очень полезен и нужен Думе потому, что умеет проводить в жизнь принцип:

— В каждом государстве есть деньги и нужно только уметь взять их.

Взятые деньги употребляются на какое-нибудь полезное и приятное для петербуржцев дело, которое получает потом соответствующую кличку:

Гласный А. Н. Оппенгеймъ.

Глазуновъ.
Городской Голова безъ цѣпи.

- Водопроводные безобразия.
- Строительные безобразия.
- Трамвайные безобразия.

И никто не понимает, в чем тут дело, зная что в Думе сидят люди очень благообразные: Глазунов, Тройницкий, Оношкович-Яцына, Ганьков, Кречинский, Расплюев, Чичиков, Картуш, Ринальдо Ринальдини, Бобчинский и Добчинский.

Есть в Петербурге также обыватели, но это такой пустяк, о котором в порядочном думском обществе и не говорят.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРЕССА

Петербургская пресса — учреждение всех цветов спектра...

Есть красная пресса (впрочем, ее в последнее время нет).

Есть розовая («Речь», «Русь»).

Есть совсем бесцветная («Слово»).

Есть розоватая — с грязновато-серым налетом («Биржевые ведомости»).

Затем идет желтая: «Петербургская газета» и «Листок».

А в самом хвосте плетется жалкая черная пресса: «Русское знамя», «Колокол» и другие — которые живут искусственным питанием.

Совершенно в стороне от веселых подруг стоит «Новое время».

Ему — цвета не подобрать...

Художник, написавши картину — возьмет нож и начнет соскабливать с палитры все краски, мешая эту грязноватую разноцветную смесь в один тусклый комок, который, вслед за тем, без сожаления летит в помойное ведро.

Вот такой бесформенный комок самых разнообразных красок, грязнящихся друг от друга, и представляет «Новое время».

Издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“
С. М. Пропперъ.

Из руководителей газет в Петербурге, кроме Суворина, очень популярен Станислав Максимилианович Проппер, издатель «Биржевки».

Проппер происходит из старинной дворянской семьи и на всех знающих его производит прекрасное впечатление.

Многим нравится его нос, имеющий крайне любопытное устройство.

Именно, маститый литератор Проппер так часто вертел им во все стороны, что окончательно расшатал этот полезный орган.

Жаль только, что от старости стало пропадать обоняние и результатом этого явилось то, что человек, который раньше ездил «ку Плеве» или «ку Витте» — теперь ездит «ку Оберучеву», печатая откровения этого молодого писателя о том, что он делал, когда ездил «ку Шуваловой»...

Недавно маститый литератор Проппер, завидуя лаврам Оберучева, написал в органе «Биржевка» свои записки, где обна-

родовал сообщение — что брюки свои он шьет у портного такого-то (строка непарели среди текста — 1 руб.), чему служат доказательством даже пуговицы, носящие на своей поверхности фамилию портного.

Впрочем, человек он добродушный, и, если прикрикнет на кого-нибудь из сотрудников или выдерет за уши, то сейчас же сердце его и отойдет.

Н. С. Худеков — «король желтой прессы» — еще добрее, чем Проппер. Он не только не дерет своих сотрудников за уши, но даже иногда, развеселившись, допускает их к ручке.

Главная и основная задача мирозерцания этого симпатичного человека, — проведение в жизнь принципа: «чего моя нога хочет».

Упомянутая конечность выражает непреодолимое желание, чтобы сотрудники писали не о «политике», а о глазуновской севрюге, Мейерхольде, интервью с «королевой бриллиантов» — и сотрудники, взянувши искоса на другую конечность,

сжатую в массивный кулак, пишут о севрюге, бриллиантах, Мейерхольде...

Кроме того, король требует, чтобы сотрудники относились к нему восторженно...

Мы от своих читателей этого не требуем.

Редакторъ „Петербургской Газеты“
Н. С. Худековъ.

Популярен также в столице — «Петербургский листок» и его руководитель г. Скроботов, но о нем мы умолчим, потому что, если дать в нескольких штрихах его настоящую характеристику — нас привлекут к ответственности за оскорбление общественной нравственности в печати.

ШАКАЛЫ ШЕСТОЙ ЧАСТИ СВЕТА

I. А. С. Суворин-padre

Войдя в кабинет старика, я застал его за корректурой фельетона Меншикова. Слово «жид» он деликатно заменял везде — «Еврей», — даже с прописной буквы и, кроме того, незаметно выбрасывал лишние прилагательные, сокращая этим фельетон рубля на три.

Поднявши голову, он увидел меня и спросил:

— Молодой брюнет, ищете знакомства с пожилой солидной дамой? Э?

— Нет! — категорически ответил я.

— Неужели? Я думал — если брюнет, так за этим... Может быть, «ищу сваху со связями в богатых домах»?

— Нет!!

— Ага! Тогда, значит, «с душевным прискорбием... извещаю о выносе тела»... Э?

— Кой черт! Откуда вы это берете!

Он посмотрел на меня с презрением.

— Так, значит «Кухарка за повара»? 6 строк непарели сзади текста...

— Убирайтесь вы с вашими кухарками! Я пришел просто интервьюировать вас!.. Старик съежился.

— Меня? Да зачем же это вам?

— Вот подите-ж! Характер такой.

— Хорошего ведь, я чай, не напишете, а?

— Это смотря, как и что. Сделали вы что-нибудь хорошее в жизни?

Он задумался. Долго думал и, наконец, лицо его просветлело.

— Сделал! Вот ей-Богу же, сделал!!

А. С. Суворинъ
Издатель „Новаго Времени“.

— Что же вы сделали?
— Меньшикову в прошлом году гривенник на строчку прибавил.
— Этого мало! — улыбнулся я.
— Мало? Гривенника мало? Да вы, молодой человек, деньгам цены не знаете.
Видя, что мы говорим со стариком на разных языках, я пожал ему руку, потом вытер свою незаметно о сюртук — и вышел.

II. Михаил Осипович Меньшиков

— К вам можно? — повторил я через запертую дверь.

— Кто такой? — послышался изнутри сердитый старческий голос.

— Это я, Михаил Осипович, — пустите. Я вам ничего дурного не сделаю.

Дверь, защелкнутая на цепь, приотворилась, и на меня глянуло испуганное, злое лицо Меньшикова.

— Да ведь вы, небось, драться пришли? — недоверчиво прохрипел он.

— Чего же мне драться... У меня и палки нет.

— А вы, может, руками, а?

— Нет, руками я вас не буду... Право, пустите. Я так, поболтать пришел.

После долгого колебания, Меньшиков снял цепь и впустил меня.

— Здравствуйте, коли пришли. Не забываете старика — хе-хе...

— Где вас забыть!

Он провел меня в большую холодную гостиную с застоявшимся запахом деревянного масла, старой пыли и какой-то мяты...

Мы сели и долго молчали.

Он сидел со сложенными на животе руками, с любопытством поглядывая на меня.

Потом встал, оправил лампадку и, вытирая замаслившиеся руки об волосы, спросил скрипучим голосом:

— Небось, бомбы все бросаете?

— Нет, не бросаю. Чего же мне их бросать...

— Нынче все бросают.

Узнавши, что я бомб не бросаю, он повеселел и, скорчивши лицо в подобие улыбки, хлопнул меня по колену:

— Так уж и быть!... Показать разве вам мой зверинец?!

Я удивился.

— Зверинец? Разве вы так любите животных?

— Хе-хе... У меня особый зверинец... Совершенно особенный!

Взявши связку ключей, он подмигнул мне и повел через ряд пустынных холодных комнат с тем же запахом.

— Вот мой зверинец, — сказал он, скаля беззубый рот в подобии приветственной улыбки и открывая ключом последнюю дверь.

В небольшой комнате сидели за столом и играли в «шестьдесят шесть» трое мужчин и одна женщина.

— Ну, как вы тут, ребята? — сказал Меньшиков, подозрительно осматривая всех и похлопывая по ноге откуда-то взявшимся арапником.

— «Раскаявшийся рабочий»! «Раскаявшийся рабочий»!! Ты опять пьян, мерзавец?! — закричал он вдруг, вглядываясь в лицо человека с красным носом и слезящимися глазами. — Ты чего смотрела, «Дама из общества»? А ты, «Осведомленное лицо с Кавказа», — шампур тебе в глотку?! Дармоеды! Всех выгоню!!

Кавказец в истасканном бешмете встал и, почесав грязной рукой за ухом, хладнокровно сказал:

— Зычем кырчать? Ему водкам давал «Мужичок из деревни».

«Дама из общества» строила мне уже глазки и, подойдя бочком, спросила:

— Парле ву франсе?

— Пошла, пошла, старая грешница, — закричал на нее Меньшиков, грозя арапником.

Потом, видя, что я с удивлением смотрю на всю эту сцену, он мне объяснил:

— Это, видите ли, зверинец. Для статей держу этих дармоедов... Вдохновляют меня. Зайду в этот зверинец, поболтаю с ними, а потом — глядь, и материала есть для статейки! Сижу и пишу: «Я получил извещение от одного осведомленного лица с Кавказа», или: «заходил ко мне побеседовать мужичок из деревни» или: «на днях, разговорившись с одним раскаявшимся рабочим о кознях жидов-революционеров», хе-хе-хе!!! Тут они не все. Некоторых гулять я отпустил. Здесь вы видите «Мужичка из деревни», «Раскаявшегося рабочего», «Осведомленное лицо с Кавказа» и «Даму из общества».

— Она в самом деле из общества? — спросил я, поглядывая на ее толстое накрашенное лицо.

— Да, я ее взял из общества спасения от разврата падших женщин. Дом она какой-то на Лиговке содержала. А это вот — «Мужичок из деревни». Пьяница, каналья, и, как напьется, колотит «Даму из общества».

— А «Осведомленное лицо с Кавказа»?

— У Макаева шашлык жарил. Я его к себе сманил. Правильный парень. Та-раска! Что нужно жидам делать?

— Резит! — завизжало «Осведомленное лицо».

— Видите! Ты куда, мерзавец!! Отдай им бумажник!

Он хватил арапником по руке «Раскаявшегося рабочего» и, отнявши у него откуда-то появившийся мой бумажник, возвратил его мне.

— Вы с ним поосторожнее... Что ни увидит, негодяй, все сопрет. Часы целы ли?

«Дама из общества» тайком ущипнула меня за руку, а «Осведомленное лицо с Кавказа», заметив это, скрипнуло зубами и положило руку на рукоять кинжала.

— Пойдемте! — прошептал я.

Меньшиков подмигнул мне и сказал:

— Роман тут у них... Но «дама», кажется, флиртирует, кроме того, с «мужичком из деревни». Впрочем, пойдемте. Воздух у них тут... действительно!

Мы вышли.

Я стал прощаться.

Проводя меня, Меньшиков лукаво подмигнул и сказал:

— А ведь давеча соврали-то, а? Хе-хе... Бомбочки-то ведь бросаете? Ну, сознайтесь!

М. О. Меньшиковъ.
(гороховое пальто „Новаго Времени“).

Боясь сознаться, я поспешно вышел.

III. В. П. Буренин

Когда я пришел к нему, он в упор спросил меня:

— Вы писатель?

— Да... А что?

— Значит — жид?

— Вовсе это не значит... С чего вы это взяли?

— Да как же! Все писатели — жидаы. Я это открыл... Вы попробуйте написать на бумаге «писатель», — то и выйдет — «жид».

Во время разговора со мной он, пыхтя и сопя, возился над какой-то фотографической карточкой.

— Что это вы делаете?

— Глаза ему, подлецу, прокалываю.

— Кому?

— А Валерию Брюсову. Говорят, что если проколоть на карточке глаза, то оригинал карточки будет мучиться. Я им всем, негодяям, это делаю. Вот только Блока не могу достать... У вас нет?..

— Нет. А это что за альбом?

— Просмотрите. Любопытный.

Я развернул альбом, и Буренин, наклонившись через плечо, стал мне показывать.

— Это вот — покойнички. Вы этого шарлатана знаете? Чехов. Бездарность и жулик. Это вот жид Надсон. Я его, признаться, и усахарил своими фельетонами. А вот прохвост Максим Горький. Мерзавец и карманный воришка! Дальше идут просто негодяи: Бальмонт, Андрей Белый, Кузмин... Это жид Андреев. Его еще не повесили, но вскорости должны повесить.

— А это кто? — спросил я. — Очень симпатичное лицо.

— Это поездной вор и растлитель малолетних Владимир Короленко. Тот, что бомбы бросает.

— А вот у этого — хорошая физиономия. Такая одухотворенная.

— Одухотворенная? Да ведь он жид! Я про него писал, что он свою мать задушил с целью освобождения комнаты. Эти двое — просто мерзавцы!

Он захлопнул альбом и сказал мне:

— Может, и вы бы дали свою карточку мне, а? Очень лестно иметь в альбомчике.

Карточки я не обещал.

— Скажите, — спросил он меня, когда я собрался уходить, — что, мои критические фельетоны... наверное, бесят этих писак до белого каления?

— Представьте — они даже их не читают!

Он побледнел.

— Что вы... говорите?! По... почему?

— Неинтересно.

— Да ведь я ругаюсь последними словами!

— Неинтересно!
— Доказываю, что они жидаы, сумасшедшие!!
— Неинтересно!!

Когда я выходил, — до меня сзади донесся тихий скрипучий старческий плач...

IV. А. Ст-н

А. Ст-н один из истинных конституционалистов «Нового времени».
Про него можно сказать словами поэта:

Брат премьера и сам в душе премьер.

В своих «Заметках» А. Столыпин добр и великодушен в конституционном смысле до приторности.

В частной жизни пьет только лимонад, ест розовое желе и сладкий пломбир.

Не может допустить, чтобы в его присутствии обижали бедных собачек, и если причинит какую-нибудь неприятность севшей на нос мухе, то плачет и раскаивается потом целый день.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ

Н. Г. Шебуев

Журналист до мозга костей.

Родился он не в сорочке, а — завернутый в свежий номер газеты. Пишет обо всем, всегда и везде. Выкапывает разные документы, обличает мерзавцев, шумит, печатает громовые статьи и сотни раз судится за клевету и диффамацию. Впрочем, из суда выходит всегда чистым, потому что, будучи кристальным человеком, обрушивается всегда на действительную мерзость, имея в кармане разные любопытные документки.

В дни свободы прогремел на всю Россию своим «Пулеметом», после которого вел некоторое время сидячий образ жизни...

Последнее время издавал журнал «Весну», которую, по своему журналистскому простодушию и неприспособленности к жизни, — затеял жестокой зимой.

Известно еще со времен Святополка-Мирского, что труднее всего — зимой весну делать.

Впрочем, может быть, то, что не удалось русскому министру — удастся русскому журналисту...

Николай Георгиевич Шебுவъ,
среди зимы „весну“ дѣлающій.

Брешко-Брешковский

Кто из вас не знает Николая Николаевича Брешко-Брешковского?!

Чуден он при всякой погоде, когда вольно и плавно пишет об всем, что ему вздумается, будь то рецензия о спектакле, который за болезнью главной исполнительницы не состоялся, или отчет о бое быков в Испании, который можно видеть на широких лугах Черниговской губернии, или роман из великосветской петербургской жизни, или, наконец, критическая статья о последней картинной выставке.

Брешко-Брешковский — энциклопедист.

Все он знает, все ему ведомо.

«Бой быков» пестрит матадорами, чулосами, бандерильями, торреро и эспадами. «Картинная выставка» — широким мазком, Рибейрой, Буонаротти, Ваской де Гама, вкусным пятном и воздушной перспективой. Статьи об атлетике — передним поясом, двойным нельсоном, скамейками и разными бицепсами, трицепсами и двухглавыми мускулами.

Н. Н. Брешко-Брешковский.

Кстати, два его романа из атлетической жизни («В мире атлетов» и «Гладиаторы наших дней») очень и очень стоит прочесть. Написанные увлекательно, с прекрасной техникой и исключительным знанием быта — романы эти дают иное освещение Брешко-Брешковскому — как интересному писателю старой школы, — школы Немировича-Данченко и И. Н. Потапенко.

Еще одно «кстати».

Если вы у кого-нибудь из литературной или журнальной братии спросите о Брешко-Брешковском, то спрошенный весело улыбнется и радостно воскликнет:

— Николай Николаич? Ха-ароший парень!

А это редко о ком говорят в литературном мире.

Осип Дымов

Когда первые лучи русской свободы озарили косым неверным светом русскую прессу — на страницах газет вынырнул и заюлил веселый, как солнечный зайчик от зеркала, — маленький фельетон.

Он осмеивал все и всех, гримасничал, подмигивал, дразнил языком и, разбегавшись мелкими шажками строк на сто, останавливался, чтобы завтра опять вынырнуть и в новой форме колоть и щипать все то, что подвернется под его бойкий живой язык.

Маленький фельетон...

Форму его сделали многие, но настоящий мастер маленького фельетона был

один:

— Осип Дымов.

Он был забавнее всех, остроумнее всех, неожиданнее всех...

Но вот сошли полые воды русской свободы, — многие сели на мель и один из них был — Осип Дымов, со своим веселым маленьким фельетоном.

То ли, что форма его обветшала, или затаскала, заносила своя же литературная братия, или реакция сузила прежний широкий разбег его...

Но только погибла Дымовская форма фельетона, и если он сам донашивает его, то нехотя, как старое опротивевшее платье.

Впрочем, — Дымову ничего.

Он пишет свои пьесы, литературные рассказы, имитирует за веселой беседой своих друзей и по-прежнему остается добрым жизнерадостным малым.

Из пишущей братии он самый счастливый человек, потому что, если ему надоедает российская бестолочь и почти повальное идиотство — Дымов укладывается и едет в Германию, где чувствует себя, как дома...

Осипъ Дымовъ.

СТОЛИЧНЫЕ ТЕАТРЫ

На первом месте мы, конечно, со свойственной нам вежливостью, помещаем скорбное, полное затаенной муки, лицо директора казенных театров — г. Теляковского, назначенного на эту должность потому, что раньше он командовал кавалерийским эскадроном.

Душевные муки застыли на лице уважаемого директора именно потому, что он до сих пор, попавши в непривычную обстановку, не может забыть стройных, прямых, как стрела, рядов своей кавалерии, вместо которой видит теперь беспорядочные группы каких-то дам в розовом трико, женоподобных мужчин в невероятных костюмах и, вместо милого сердцу крика:

— Повзводно, рысью марррш!

Слышит дикое:

— Mesdames, второй звонок! Будьте готовы!

Загрустишь.

Поэтому здесь, как в «Женитьбе»:

— Директор только для вида поставлен...

А все дела делает он — Иван Кузьмич Подколесин.

Роль Подколесина на казенных театрах раз навсегда любезно взялся исполнить заведующий театральной канцелярией Иван Кузьмич Крупенский... Заботится обо всем, входит во все — такой хороший.

Директор Императорских театров
ТЕЛЯКОВСКИЙ.

И туфли танцовщицам выдает, и трико чинит, и под мышками у балерин распорядился брить, причем, если первое и второе считать экономической мелочью, то третье — факт редкого и симпатичного стремления охранить народную нравственность от соблазнительного и легкомысленного зрелища.

Теляковского прельстил Иван Кузьмич Крупенский, главным образом, вероятно, своей железной военной дисциплиной и унтер-офицерской строгостью: и корифейку распечат, и танцовщика нехорошим словом за какой-нибудь поступок обругает, а уж балерины у него в струне ходят: при начальстве должны стоять в струнку, не смея сесть, при встречах — отдавать по-военному честь (хотя бы правой ногой) и при этом, все время — есть глазами начальство.

Последний эксперимент бедные балерины проделывают особенно охотно... По своей наивности, они надеются когда-нибудь съесть его до последней пуговицы.

То-то вздохнут тогда свободно!

Гришовъ.

Литковская.

Тартаковъ.

Кузнецова-Бесова.

Куза.

Лабинскій.

Делая обозрение театров — прежде всего нужно упомянуть о Мариинском...

В нем царит образцовая скука, за что остряки и прозвали его образцовым.

Однажды, лет полтораста тому назад, в минуту легкомысленной щедрости, он обзавелся четырьмя операми, назвал эту штуку репертуаром и с тех пор ставит их по порядку, в разбивку и сзади наперед.

Известно, что народонаселение Российской Империи разделяется на чернь (крестьяне, вагоновожатые, почтовые чиновники, каменотесы и проч.) и абонентов Мариинского театра, у которых на груди звезд больше, чем на голове волос.

Так вот, эти унылые люди и смотрят всю жизнь упомянутые четыре оперы.

Будучи в душе демократами, мы можем только позлорадствовать:

— Так им и надо.

Что же касается Мариинского балета, то он не так еще давно был первый в мире, а теперь балерины разбежались за хорошие деньги по всему свету, и скоро на сцене в какой-нибудь «Спящей красавице» запляшут, за отсутствием балерин, все: Теляковский, Крупенский, Черепенников и даже будущий глава театра российского — депутат Тимошкин.

Это будет смешно и ужасно.

У веселого запевалы и плясуна — Мариинского театра есть младший брат — резонер, трагик и комик — Александринский.

В нем имена, — которые русской публике больше известны, чем Готфрид Бульонский, Винценгеторикс и ныне покойный Александр Македонский...

В нем имена: Савиной, Варламова, Давыдова, Домашевой, Далматова, Юрьева...

Из этого перечня видно, что у казенных театров губа не дура, и мы можем указать на обстоятельство, которое подтверждает высокий умственный уровень этой части казенного лица — тем, что казенные театры ни одного из перечисленных артистов из своих лап не выпустили, хотя Варламов, например, подает

Збрусна.

Медва Фигнеръ.

А. М. Давыдовъ.

Смирновъ.

Трефилова.

Пюнтковская.

Потоцкая.

Славина.

Варламовъ.

Давыдовъ.

Ведринская.

Домашова.

прошение об отставке три раза в день: утром, перед обедом и вечером — перед спектаклем.

И, кроме того, все здоровы и невредимы... Недаром говорят, что казенное добро на огне не горит и в воде не тонет.

Theatre Michel — тоже казенный театр.

Название его в переводе значит — «сплошное недоразумение».

Потому что до сих пор никто и никогда не мог себе уяснить: для чего он, собственно, нужен?

Ходотовъ.

Далматовъ.

Ю. М. Юрьевъ.

M. Andricu.

Mlle Marte Alex.

Mlle Derval.

Держать целый театр для того, чтобы заменить прежние бессмысленные французские фарсы скучными пьесами скучных драматургов, собирать каждый день публику, чтобы показать ей последние парижские туалеты, надетые на Mlle Дерваль — стоит игра свечей?

Мы бы еще ничего не имели, если бы затраты ограничивались только стоимостью свечей, но дело в том, что, кроме свечей, игра сама по себе стоит сотен тысяч казенных денег...

А это уже нехорошо.

Jean Kempe.

Дюксъ.

Музиль-Бороздина.

Глаголинъ.

Блюменталь-Тамаригъ.

Миронова.

Коммиссаржевская.

Бравичъ.

Вяльцева.

Тамара.

Шувалова.

Монаховъ.

Малый театр принадлежит старому нововременскому Суворину, а фактически заведует им Орлеанская Дева, играющая иногда на той же сцене под псевдонимом Глаголина.

Заслуга этого театра — масса поставленных им новинок, которые потом, с его легкой руки, облетают всю сонную, глухую провинцию.

В Малом театре есть свои любимцы скучающих, пресыщенных петербуржцев: Блюменталь-Тамарин, Миронова, Музиль-Бороздина и другие.

Из того же состояния скуки и пресыщенности выводит петербуржцев волшебница В. Ф. Коммиссаржевская... Похоронивши «Сестру Беатрису» и «Пелеаса и Мелисанду», она вытащила на свет Божий «Дикарку», «Нору» и — снова бросила нудных петербуржцев под свои ножки. В этом насилии над петербуржцами ей деятельно помогают Бравич, Неволин и другие из ее талантливой тесной, дружеской семьи.

А потом идет плеяда веселых, переливающихся всеми цветами радуги, танцующих, поющих, шумящих — стрекоз, бабочек и кузнечиков: Вяльцева, Тамара, Шувалова, Монахов, Вавич.

Часто веселая вдова предпочитает королю нищего-студента, и нередко в причудливом опереточном хороводе продавец птичек певчих срывает с губок гейши запретные поцелуи.

Если мы упомянули о пяти-шести театрах вообще, то грешно забыть внебрачных детей театрального искусства — кинематографы, с которыми в плодовитости своей могут конкурировать разве только кролики.

Театры эти, как вода, заполняют собой все щели... Например: стоит только какому-нибудь магазину прогореть и освободить помещение, как через три дня уже

это помещение сверкает всеми цветами радуги и, назвавшись каким-нибудь «Ауксето-био-физиофоном», наполняется целой гекатомбой человеческого кинематографического мяса.

В Апокалипсисе нам удалось отыскать такое место:

«И настанет время, когда каждый дом, каждая квартира, каждый подвал превратится в кинематограф и закроются все другие конные и пешие ристалища и переедет забытый Богом народ в Шувалово, Усикирку, Лесной и Сиверскую... И там тоже откроются кинематографы... И настанет тогда конец мира. И будет увековечен конец мира и Страшный суд на кинематографической ленте Патэ...»

Холодный ужас охватывает при чтении этого ужасного пророчества.

НАШИ ПИСАТЕЛИ

Леонида Андреева мы вовсе не хотели помещать в нашем альбоме, в наказание за то, что он живет не в самом Петербурге, а в Райволе. Но потом, принимая во внимание все то, что он сделал для русской литературы, — мы махнули левой рукой (потому что правая в это время писала) — и, снисходя к просьбам критики и русских читателей — помещаем его на первом месте.

Мало кому известно, как живет и работает Леонид Андреев...

Однажды мы поехали к нему на дачу «Белая ночь», в которой писатель живет безвыездно.

Дом оригинальной архитектуры, построенный внуком Растрелли... Кругом тишина и безлюдье. Мы с трудом нашли дверной молоток и, когда стукнули им, дверь бесшумно, с резким визгом, распахнулась перед нами. Черный, чистейшей воды негр в красной феске молча встретил нас, сказав на негритянском языке:

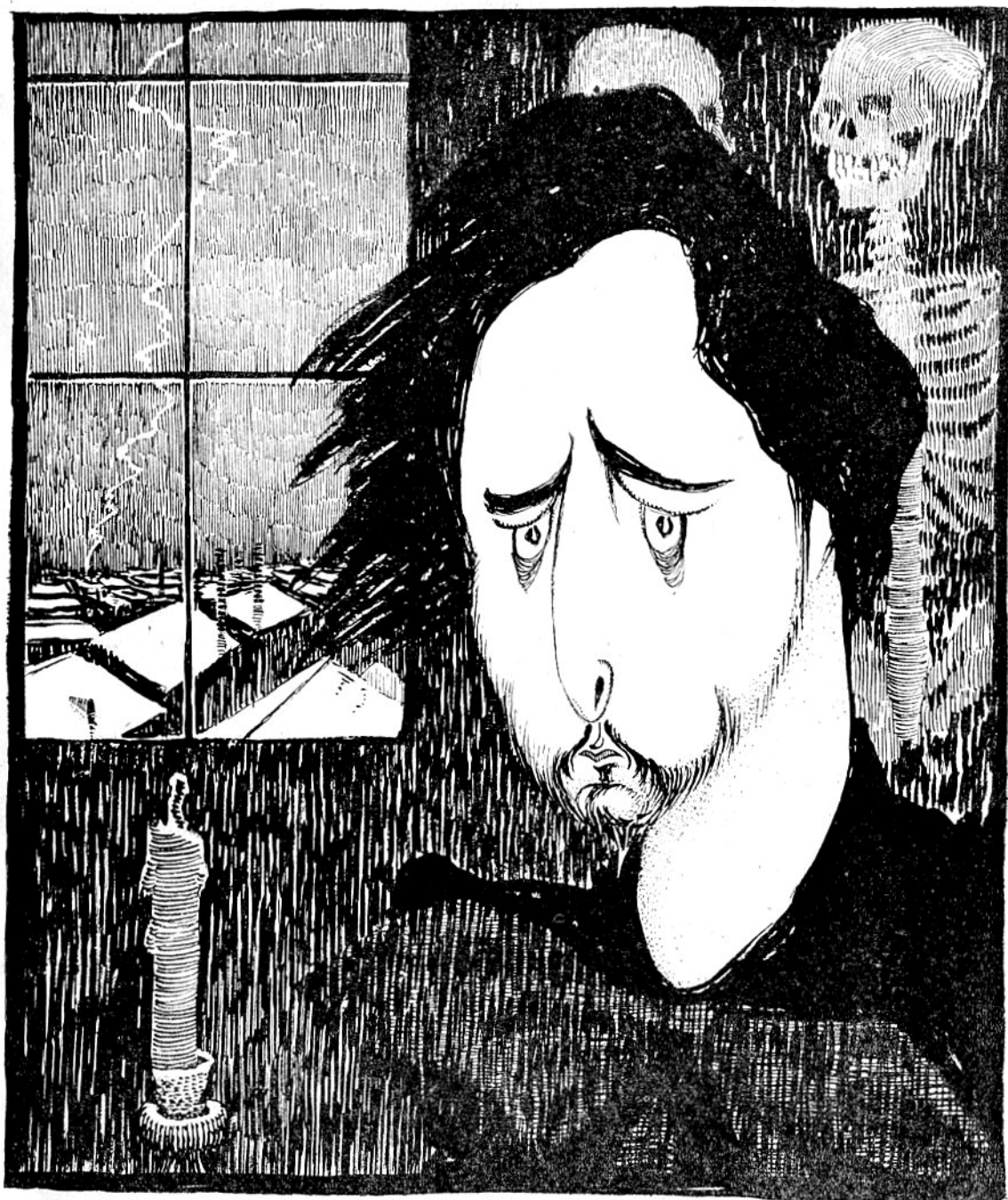
— Селям-Алейкюм!

С тайной робостью двинулись мы по запутанному лабиринту странных комнат, переходов и ступенек. Ноги наши по щиколотку тонули в шелестящих азербайджанских коврах, а сверху неизвестно откуда падал ласковый розовый свет и тихо гудела где-то Эолова арфа... И вот мы в оригинальном кабинете писателя, кабинете из «Жизни человека» того же автора. Знаменитый писатель диктовал что-то чистокровному индусу, быстро писавшему китайской тушью, сидя на корточках перед мрачно пылавшим камином, сбоку которого безмолвно вытянулись два изящных скелета.

Потоптавшись немного на пушистом багешахском ковре, мы, чтобы не прерывать творчества писателя, потихоньку повернулись и вышли, спустившись с лестницы без посторонней помощи.

Снова дверь бесшумно открылась и, визжа на своих петлях, пропустила нас. Снова мы в безлюдном поле.

Восток догорал...

Леонидъ Андреевъ.

Александр Иванович Куприн живет в Гатчине. Поэтому, мы также сначала колебались — можно ли его поместить во «ВсеПетербург» и не выпустить ли для этого самостоятельный альбом «ВсеГатчина» — но потом нам сообщили, что знаменитый писатель частенько приезжает в Петербург и может смело считаться его принадлежностью.

Так как у Куприна, в противоположность радушному Андрееву, замкнутый не-

общительный характер (одного интервьюера он выбросил из окна четвертого этажа), — то мы сообщаем его краткую характеристику на основании собранных данных из посторонних источников.

А. И. Куприн монгольского происхождения и происходит по прямой линии от хана Золотой Орды — Темир-хан-Шура. Был на военной службе и командовал — дивизией или корпусом — нам не удалось выяснить. Первая написанная им повесть, — это талантливые «Конокрады». Вся критика единогласно, кроме Белинского и Аполлона Григорьева, похвалила их. Но настоящую славу автор вкусил только после знаменитого «Поединка». Куприн получил за него по две тысячи рублей за печатный лист — цифра, которая и не снилась даже маститому Якову Гордину!

А. И. Купринъ.

Любимым другом Куприна был ныне покойный — известный поэт Кузьма Прутков. Неизвестно — почему Куприн так привязался к нему, но петербуржцы если встречали монгольское лицо Куприна, то сейчас же искали характерную, известную по портретам, физиономию Кузьмы Пруткова. О смерти этого талантливого поэта Куприн грустит до сих пор.

В минуты жизнерадостности, А. И. в тесном кругу друзей забывает об этой тяжелой утрате и танцует со своим теперешним другом поэтом Рославлевым джигу. Впрочем, Рославлев теперь не танцует джигу, после того, как раздавил ногой пианиста и, начавши танец в третьем этаже, окончил его в первом — хотя пол был очень прочный.

Куприна очень любит Толстой и однажды даже сказал Тенороме:
— Будет из парня прок!

Максимъ Горькій.

Менее всего подходит для «Всепетербурга» Максим Горький, ибо живет теперь на острове Капри, но он такой хороший человек, что мы думаем — все будут рады еще раз увидеть его грузную плотную фигуру и гордый орлиный нос над стра-

дальчески искривленными губами.

Максим Горький происходит из старинной аристократической семьи Пешковых, каковая фамилия и есть его настоящая, по паспорту. Впрочем, паспорта у него нет, почему он и живет на Капри, не поладивши с русскими властями на почве нарушения тишины и порядка.

Говорят, что Алексей Максимович Пешков (М. Горький) приходится племянником бывшему Харьковскому губернатору Пешкову, но автор «Челкаша» и «Бывших людей» — почему-то от такого родства отказывается.

Не знаем — почему.

Про Горького существует масса легенд. Говорили даже одно время, что он провел детство в качестве булочника и работал в разных местах, как простой черно-рабочий... дошло до того, что какой то праздный болтун стал распускать слухи — будто бы Горький служил где-то станционным сторожем!! Все это, конечно, ложь. Горький окончил Оксфордский университет и, получив от дяди в наследство несколько сот тысяч — построил на Капри дачу.

Гораздо вероятнее слухи о странной судьбе Горького и Шаляпина — больших друзей в жизни. Говорят, что они в детстве были наоборот, т. е. настоящая фамилия Горького была Шаляпин, а Шаляпина на самом деле звали А. М. Горьким. Но, случайно перепутавшись во время дружеской пирушки — они до сих пор не могут распутаться, и до сих пор терпят, втайне страдая, это страшное неудобство. Поэтому-то газеты и сообщали, что в церковном хоре когда-то забраковали Шаляпина и одобрили, как певца — Горького. Известно также, что Шаляпин писал свои мемуары и сотрудничал в журналах, т. е. вторгался в область того, кто был Шаляпиным на самом деле.

Мы лично — признаемся откровенно, что никогда не могли распутать как следует этой таинственной и загадочной истории.

Федор Сологуб отличается в жизни исключительной скромностью. До последнего времени он, поэтому, не писал даже крупных вещей, а последнюю свою *крупную* вещь назвал «Мелким бесом». Что же касается «Навях чар», то эту творимую легенду он слышал когда-то от одного балаклавского рыбака — и затем, как умел, изложил ее своими словами.

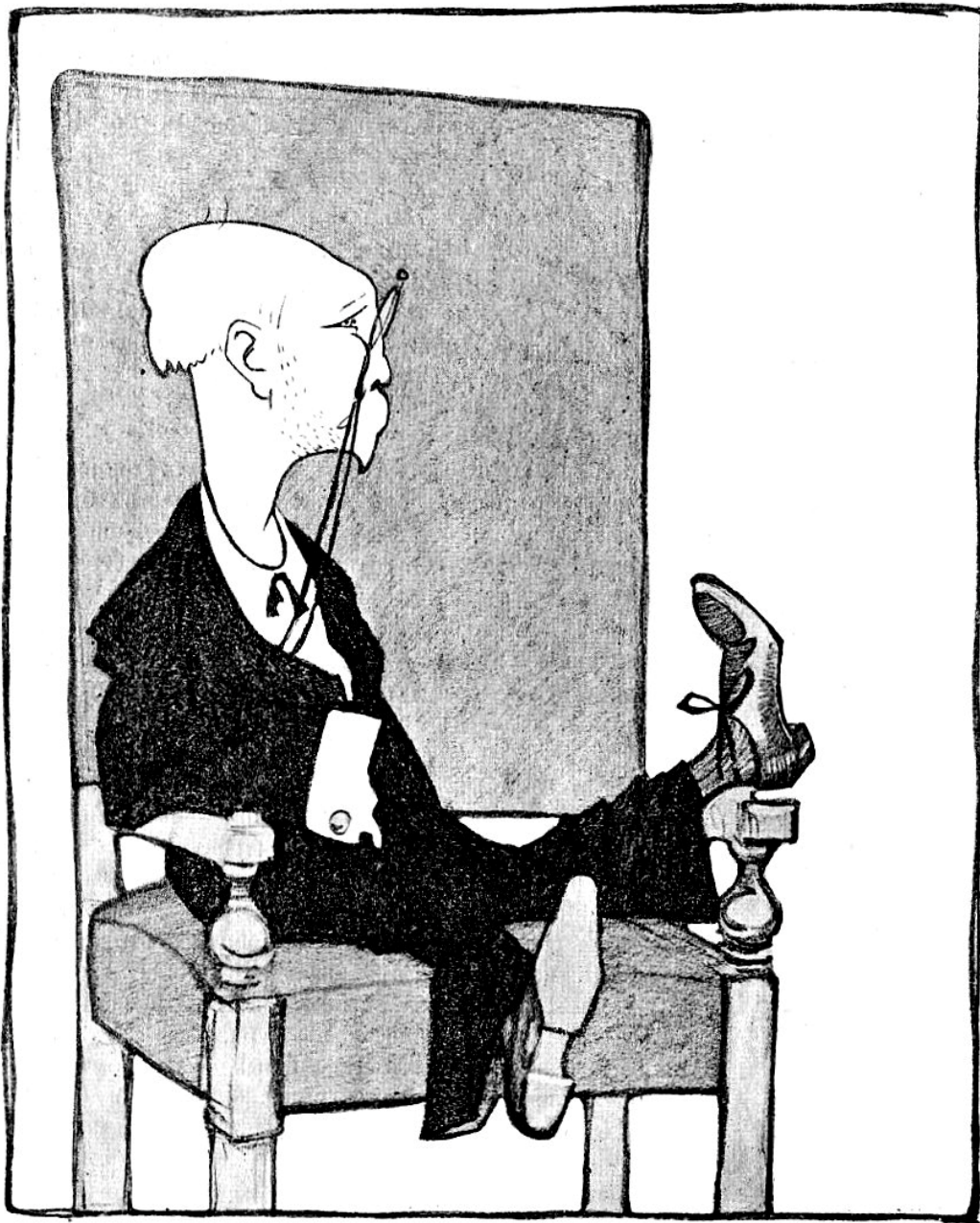
Критика неоднократно отмечала, что Сологуб подражателен в своих произведениях, причем подражает, главным образом, своему тезке, малоизвестному писателю Федору Кузьмичу Тетерникову...

Но, говоря откровенно, многие подражают и Сологубу.

Например, Семен Юшкевич.

«Похождения Леона Дрея» — это тот же «Мелкий бес», как клянется Корней Чуковский.

Рассказывают, что Юшкевич, обескураженный неудачей у публики «Леона Дрея», встретил однажды в «Вене» Федора Сологуба и, прижавши несчастного к стене, приступил к нему с допросом «по-андреевски»:

Федоръ Сологубъ.

— Какое ты имеешь право быть талантливым, когда я бездарен?!

— Это от Бога, — отвечал старичок, чуть не плача.

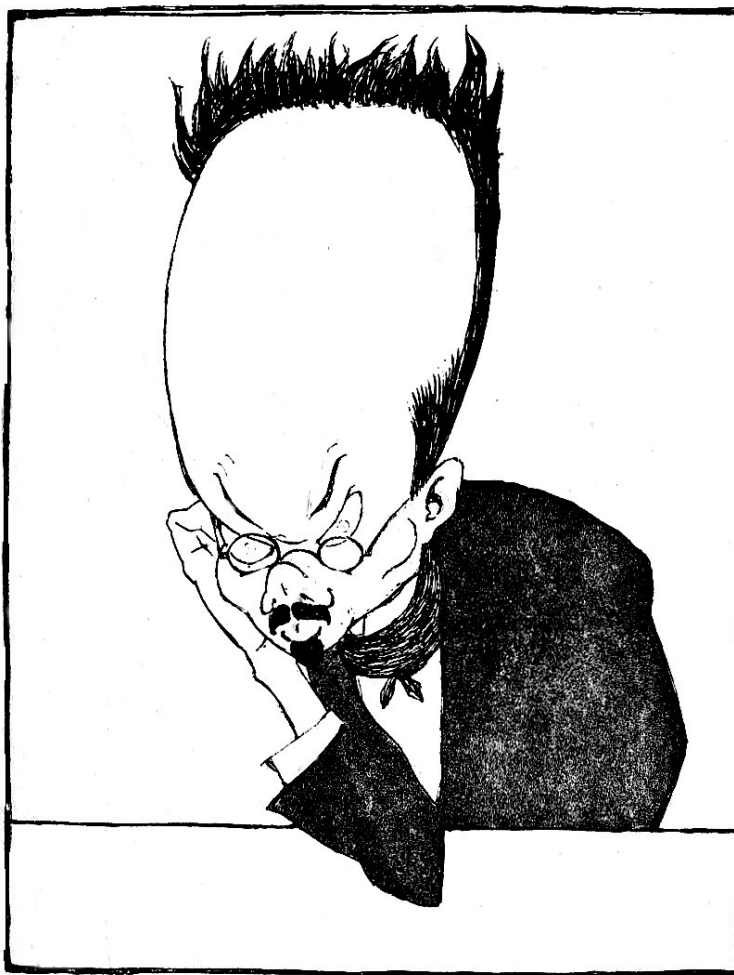
Говорят, что разъяренный Юшкевич тут же пригрозил выпустить еще том рассказов и драм, чем до чрезвычайности напугал всю публику.

Критика до сих пор называет Федора Сологуба «молодым», хотя это не совсем верно. В свое время он был инспектором народных училищ, а на это место, как известно, какого-нибудь молокососа не назначают.

Мы счастливы, что можем опровергнуть пущенный кем-то нелепый слух, будто бы маститый писатель при встрече сечет всех розгами, не разбирая ни правых, ни виноватых.

Это он только в стихах пишет, да и то, откровенно говоря, пугает больше!

Этот страшный по своим произведениям писатель таков же и в своей домашней жизни. Живет он, совершенно одинокий, в полуразвалившемся домике на Выборской стороне и всякого, кто к нему приходит, — впускает не иначе, как обеспечивши себя страшными и непонятными заклетами.

Алексей Ремизовъ.

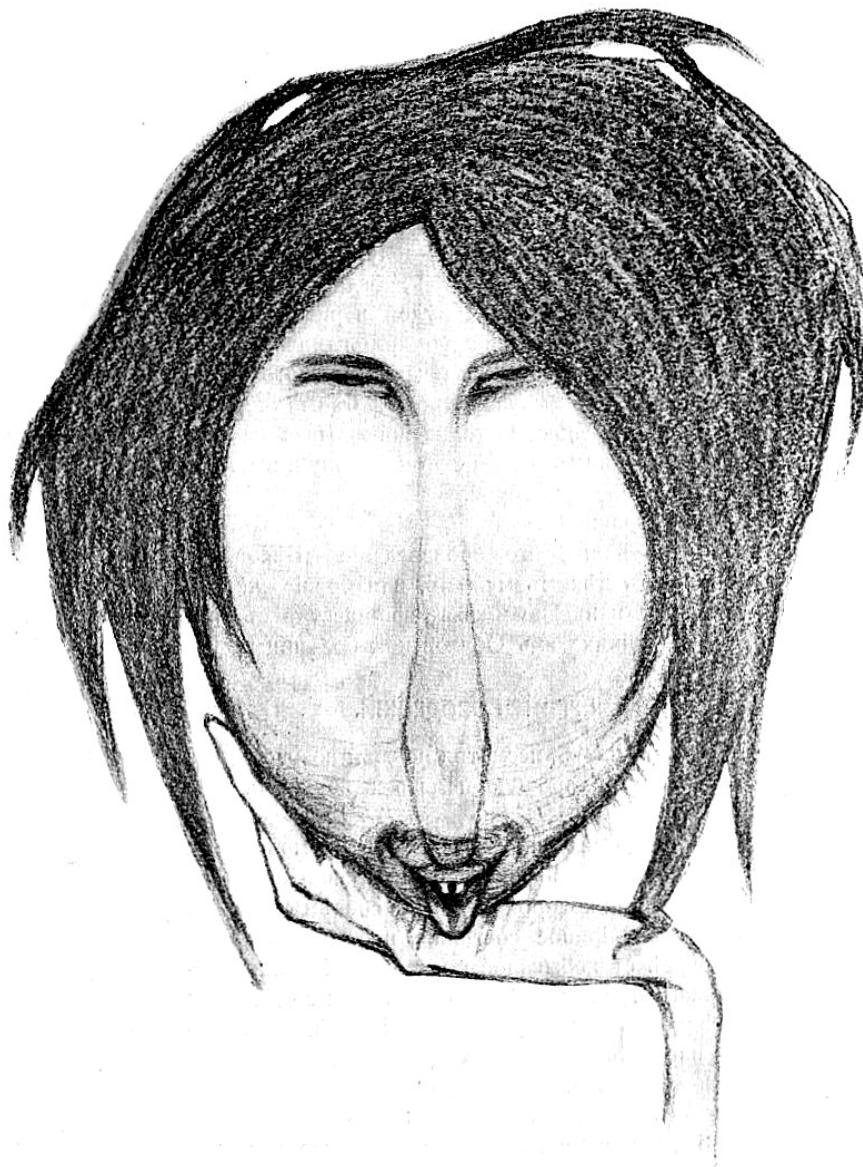
Пишет он в небольшой полутемной комнате перед закопченным очагом и, когда он пишет, то около ног его трется худой черный кот, а зловещую тишину оглашает хриплыми криками старая одноглазая сова, висящая под потолком.

И пишет он, макая перо в белый череп, наполненный кровью, изредка поглядывая на стоящую перед ним будуарную карточку беса Аратыря — его любимого героя.

Очень страшно!

Популярнейшее его произведение «Бесовское действо над неким мужем, или прение живота со смертью» написано им в сообществе с трупом утопленника из Обуховской больницы.

Сергей Городецкий

Сергей Городецкий.

Маститый поэт, несмотря на свой возраст, все еще сохранил хорошую память и зоркие острые глаза.

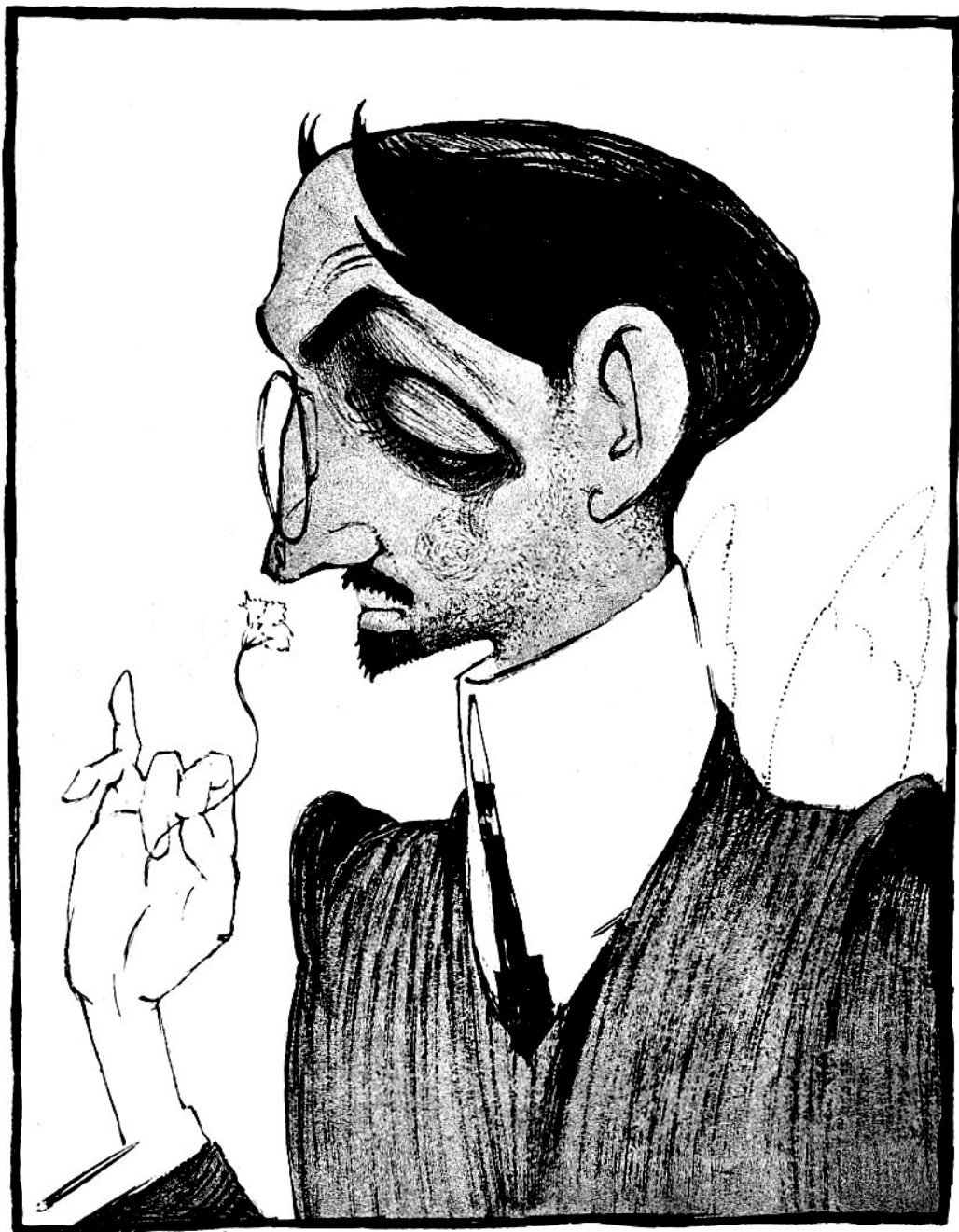
Критика до сих пор называет его молодым, хотя Городецкий помнит ясно Русско-японскую войну, во время которой он был совсем юношей.

Имея миллионное состояние, поэт живет в Петербурге с небывалой роскошью. Коренные петербуржцы привыкли к его согбенной годами фигуре, едущей на шикарном автомобиле, запряженном парой чистокровных арабских лошадей, которые управляются чистокровным негром в расшитом золотом красном ливрейном кафтане. Будучи в душе щедрым благотворителем, поэт даже учредил у Давыдки кровать имени Городецкого...

М. А. Кузмин

Начиная настоящую краткую характеристику М. А. Кузмина, мы, к сожалению, поставлены в невозможность осветить наиболее полно его личность, давши, одновременно с тем, характеристику его литературной и поэтической деятельности.

Это недоступно нам по условиям места.

С одной стороны, нас прельщает задача поговорить о М. А. Кузмине, как о личности, — ибо стремление «Всепетербурга» — именно описание популярных деяте-

лей столицы. С другой стороны — не лишена общественного и литературного значения вторая, не менее соблазнительная задача — дать литературную и критическую характеристику произведений Кузмина.

Кладя на весы наибольшего интереса публики эти две разнородных задачи, мы лично склоняемся больше на сторону первого нашего стремления, т. е. выдвинуть перед читателем эту интересную и неизвестную многим фигуру писателя не со стороны критики его произведений, а исключительно с точки зрения личности, как таковой.

Эта задача тем более легко выполнима, что для осуществления ее достаточно десятка ярких метких строк, написанных с той сжатостью, которая нас всегда отличает.

И в то же время, мы глубоко скорбим от сознания, что поставлены в невозможность выполнить вторую предполагаемую часть нашего замысла так же успешно...

Александр Блокъ.

Александр Блок

Блок, которого критика назвала «поэтом Невского проспекта», происходит из известной семьи Генриха и Жоржа Блока. Трагический конец его дяди, повесившегося на дверях своей кассы, — раз навсегда согнал жизнерадостную улыбку с уст

скорбного поэта.

Петербургская публика часто видела его на эстраде во время благотворительных концертов, читающим стихи «о прекрасной незнакомке».

Но однажды Блок увидел на эстраде Якова Година — и с тех пор навсегда отказался от шумной и чадной славы.

PRO DOMO SUA

Сейчас между мной и редактором произошла тяжелая, бурная сцена...

Дело в том, что этот господин, зная мою осведомленность в отношении всего, касающегося жизни литераторов и поэтов — поручил именно мне составить характеристики их личностей, причем ставил главным условием, — чтобы характеристики эти были увлекательны, захватывающе-интересны и содержательны.

Я и написал.

Когда мне прислали из типографии корректуру, он «полюбопытствовал» тоже прочесть ее (ни один редактор не упустит случая сунуть нос в дело, которое его не касается) и, когда ознакомился с моими характеристиками, то устроил немедленно целую баталию...

Это было для меня тем более неожиданным ударом, что я ожидал выражения восторга, признательности и восхищения, а вовсе не грубого неприятного скандала.

— Что это вы тут такое нацарапали?! — кричал он на всю редакцию.

— Я не нацарапал, — отвечал я с достоинством, чувствуя себя уязвленным. — Я написал то, что вы просили.

— Кой черт просил вас писать такие вещи?!!

Я стал нервничать.

— Не кричите, пожалуйста! Вы просили, чтобы мои литературные характеристики были «увлекательны, захватывающе-интересны и содержательны». Скажите по совести — разве они скучны, неинтересны и бессодержательны?! Кто другой мог бы дать такую массу любопытных, никому не известных данных из жизни писателей, а?!

— Да, но ведь это все чепуха, ложь!.. Леонида Андреева вы наделили какими-то неграми, индусами, потом сообщили дикую сплетню относительно путаницы между Горьким и Шаляпиным, а затем, главное, голубчик мой, это чистейшая дичь — что Куприн был в дружбе с Кузьмой Прутковым.

— Почему же дичь, — пробовал я защищаться, — Куприн очень общительный человек.

— Не вывертывайтесь! Вы прекрасно знаете, что Кузьмы Пруткова никогда не существовало... А самое возмутительное — это выдумка ваша, что будто бы Шаляпин и Горький в детстве перепутались фамилиями! Откуда вы это взяли? Я не спору — оно захватывающе интересно, но ведь это ложь!

— Да, но в моих характеристиках есть и перлы правды! Например, — что Андреев живет в Райволе, или что Куприна зовут Александр Иванович! А что Сологуб был училищным инспектором — это неправда? Вам всякий клятвенно подтвердит

это! Сознаюсь — относительно Кузьмы Пруткова, я был не совсем точен.

— К черту ваши оправдания! Почему у вас Сергей Городецкий миллионер, когда он живет литературным заработком, почему он старик, когда он молод? И что за дикое доказательство его старости: что он помнит Русско-японскую войну. А вы ее не помните? А я не помню? Эка штука — помнить Русско-японскую войну! И на каком таком он катается шикарном автомобиле, который везет пара арабских лошадей? Разве автомобилю нужны лошади? О Кузmine вы собирались наговорить три короба и, потоптавшись на месте — так ничего и не сказали! Блоку вы навязали в дяди какого-то банкира Генриха Блока и мировую скорбь на лице поэта кощунственно объяснили печалью по повесившимся банкире. Я вам доверял, а вы так бессовестно меня обманули...

Он долго брюзжал.

В конце концов, мы поладили на том, что я распутаю Шаяпина с Горьким, отберу у Андреева негров, у Городецкого автомобиль, а Блока поссорю с его банкирской родней.

Но, когда я приступил к этому — мне сделалось так жаль бедных писателей, что я оставил все по-прежнему.

С редактором у меня теперь отношения натянутые.

Медуза-Горгона.

Р. S. Многие читатели будут удивлены тем обстоятельством, что в наш «Все-петербург» не вошли такие имена, как П. Боборыкин, И. Н. Потапенко, Вас. Ив. Немирович-Данченко...

Дело в том, что Немирович-Данченко принял недавно японское подданство и живет в Хакодате, редактируя журнал «Ничи-Ничи-Симбун», П. Боборыкин носит-ся по всей Европе, почему многие и принимают его за министра Извольского, а с И. Н. Потапенкой случилось несчастье: подойдя однажды к книжной полке, на которой лежали его сочинения за последний год, — он нечаянно обрушил эту полку и — погиб под засыпавшей его страшной тяжестью.

Тело несчастного пока не найдено.

М.-Г.

Пусть редактор опять устраивает мне скандал — раз все вышесказанное правда — я обязан ее обнародовать.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ Л Ъ Т О М Ъ .

Рис. А. Радикова.

Стрѣлка.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕСТОРАН

Всякий, кто хотя раз напечатал свое стихотворение в какомнибудь альманахе «Плошка» или даже поместил в грошовой газетке заметку о взбесившейся собаке — считает своим неременным долгом посетить этот ресторан и, сидя за кружкой пива — говорить так громко, чтобы это было слышно окружающим:

— Мы, литераторы, всегда должны стоять на страже русской литературы.

К концу вечера обыкновенно оказывается, что он уже стоять не может и поэтому, опьяненный славой, пытается лечь под стол.

Кроме авторов, поставивших в известность интеллигентный мир о взбесившейся собаке — в литературный ресторан частенько заезжает после театров публика — поглазеть на тех, чье имя все привыкли видеть под нашумевшими сенсационными вещами.

Иногда появляются провинциалы — робкие, онемевшие, подавленные...

Они забиваются в дальний угол и молча, с тихим восторгом, озираются на усытые, бритые и длинноволосые лица литературной богемы.

Иногда у такой провинциальной семьи появляется чичероне, какой-нибудь потерявший самого себя племянник, и этот молодой экспансивный человек, протаскавши весь день несчастную семью по разным музеям, начинает теперь без толку называть фамилии популярных писателей, невыносимо рисуясь своей бывалостью и связями в литературном мире.

— Петенька! — наклоняется к нему провинциальная тетюшка в какой-нибудь ковровой шали на плечах. — Петенька! — шепчет она с тайным благоговейным ужасом, — кто этот с рыжей бородой, вихлястый?

Племянник не задумывается.

— Этот? Каменский, тетенька!

Она качает головой, шепча:

— Поди-ж ты! Каменский... Читала, читала я его... «Леду», кажется. Неужто это он сам? И гляди, цыплатину ест!

Племянник снисходительно улыбается.

— А как же! Они тоже питание имеют.

Потом на племянника находит вдохновение.

Он озирается и, усмотревши за соседним столом компанию подгулявших фармацевтов, указывает на них, дыша на тетеньку винным запахом:

— А это вот, тетенька, группа неохристиан за столом сидит: этот вот маленький, бородатый, — Корней Чуковский, тот бритый блондин — Леонид Андреев, а этот старик с седой бородкой — Яков Годин. Четвертый Гейнце, автор романа «Петербургский Шерлок Хольмс».

Тетюшка благоговейно смотрит на фармацевтов, а племянник, махнув рукой на всякий смысл и стремясь только ошеломить несчастных, продолжает:

— Вон за тем столиком сидят марксисты: Куприн, Арцыбашев и Генрих Блок.

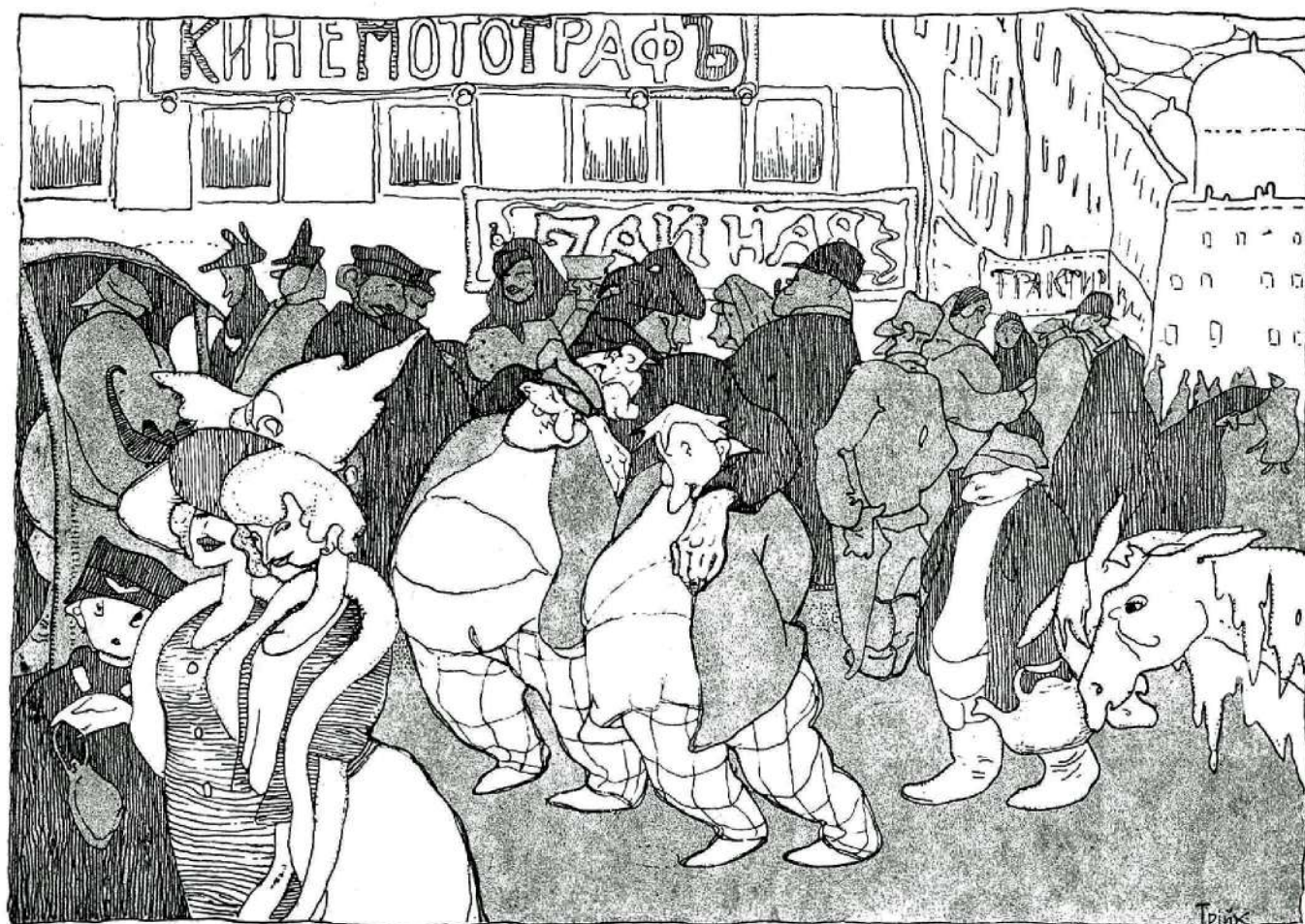
Дядюшка выходит из состояния оцепенения и, наклоняясь к племяннику, шепчет:

— А это кто? Худой, маленький, с черными усами?

— Это поэт Рославлев. Вы потише! А то услышит — подойдет аванс просить...

— Петя! — заинтересовывается кузина Марфуша. — А кто вон за тем столом си-

Рис. Трійка.

Т О Л К У Ч К Я .

дит, меланхолический?

— Этот? Достоевский!

— Да? Так... стой! Достоевский, кажется, умер.

— Не может быть?! Что ты врешь! Я еще на днях читал его «Преступление и наказание».

— Да? Может быть. Покажи мне, Петичка, Леонида Андреева!

— Вон, видишь — высокий, толстый.

— А знаешь — он совсем не похож на открытки. Ни капельки!

— Петенька! — смущенно говорит тетюшка. — Ты давеча на того блондина указывал, говорил — Андреев, а теперь на толстого Марфуше показываешь.

— Эх вы — деревня! — презрительно и обиженно шепчет племянник. — Все вы напутаете... То Василий Андреев — балалаечник, а это Леонид!

В конце концов выясняется, что провинциалы счастливо попали в самый центр блестящей плеяды имен. В разных местах за столиками разбросаны: Кузмин, Григорович, Валерий Брюсов, Меттерлинк, Сарра Бернар и Сервантес.

Истощивши свою память, Петя неожиданно радостно вскрикивает и бросается за проходящим господином в потертом пиджаке.

— Василь Палыч! Василь Палыч!!

Потом, поймав его за рукав, гордо подводит к семье и знакомит:

— Позвольте представить! Василий Подушкин, литератор.

Семья цветет.

— Неужели? — радостно говорит тетюшка. — Подушкин? Что-то я, кажется, читала ваше?!

Истинный талант-Подушкин краснеет и радостно кивает головой.

— Да? Очень может быть... Я в позапрошлом месяце напечатал рецензию в «Листке» о концерте зубоврачебных курсов. Вероятно, это вы и изволили читать?

Дядюшка со сверкающими глазами наливает Подушкину стакан вина и декламирует:

— Люблю писателей! Как говорится в пословице: «Братья писатели! В вашей судьбе что то лежит роковое!...»

«ДАВЫДКА»

Если предыдущий литературный ресторан служит своей целью до известной степени объединять литераторов и публику, то «Давыдка» — это литературная *sancta sanctorum*, куда непосвященные почти не заходят.

А если какой-нибудь беспардонный петербуржец зайдет туда, то над ним надсмеются, обесчестят его, напьют, наедят за его столом, обругают его и обязательно возьмут форменный аванс, хотя бы этот неосторожный господин торговал мылом или сырыми кожами, не имея другого отношения к литературе.

Там дымно, шумно, дешево и скандально, как на полке дешевой бани.

Поэтому петербуржец, если хочет видеть живых литераторов, то пусть идет в первый ресторан, хотя там тоже дымно, шумно, дорого, скандально и скверно кормят...

ЕВРОПЕЕЦ

В трамвае, набитом битком,
Средь двух гимназисток, бочком
Сижу в настроеньи прекрасном,

Панама сползает на лоб.
Я — адски пленительный сноб,
В накидке и в галстукe красном.

Пассаж не спеша осмотрев,
Вхожу в Квиссисану, как лев,
Пью портер, малагу и виски.

По карте, с достоинством ем
Сосиски в томате и крем,
Пулярдку и снова сосиски,

Раздуло утробу копной...
Сановный швейцар предо мной
Толкает бесшумные двери.

Умаявшись, сыт и сонлив,
И руки в штаны заложив,
Сижу в Александровском сквере.

Где б вечер сегодня убить?
В Аквариум, что ли, сходить,
Иль, может быть, к Мэри слетаю?

В раздумье на мамок смотрю,
Вздыхаю, зеваю, курю,
И «Новое время» читаю..

Шварц, Персия, Турция...
Чушь! Разносчик! десяточек груш...
Какие прекрасные грушки!

А завтра в двенадцать часов
На службу явиться готов,
Чертить на листах завитушки.

Однако: без четверти шесть.
Пойду к Доминику поесть,
А после — за галстуком к Кнопу.

Ну как в Петербурге не жить?
Ну как Петербург не любить,
Как русский намек на Европу?

Саша Черный

ЗА НАРВСКОЙ ЗАСТАВОЙ (рабочий митинг)

«Нива» или «Родина», поместивши эту иллюстрацию на своих страницах, не преминули бы сказать о ней в разделе «К рисункам» следующее: «Талантливым ху-

дожником изображен на картине митинг голодных изнуренных рабочих, которые ловят каждое слово мрачного вдохновенного оратора... Вдали заходит весеннее солнце, природа нежится в мирном настроении, и ребенок на первом плане — это дитя природы — не слушая раздоров старших, мирно забавляется животным из ряда позвоночных, именно — кошкой...»

А мы говорим просто — митинг, да и только.

И мы не настаиваем даже, что это митинг именно за Нарвской заставой. Великолепнейшим образом он может быть и за Невской заставой!

НА ОКРАИНЕ ПЕТЕРБУРГА

Время года неизвестно.
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.

Фонари горят, как бельма,
Липкий смрад навис кругом,
За рубашку ветер-шельма
Лезет острым холодком.

Пьяный чуйка обнял нежно
Мокрый столб — и голосит.
Бесконечно, безнадежно
Кислый дождик моросит...

Поливает стены, крыши,
Землю, дрожки, лошадей.
Из ночной пивной все лише
Граммофон хрипит, злодей.

«Па-ца-луем дай забвенье!»
Прямо за сердце берет.
На панели тоже пенье:
Проститутку дворник бьет.

Брань и звуки заушений...
И на них из всех дверей
Побежали светотени
Жадных к зрелищу зверей.

Смех, советы, прибаутки,
Хлипкий плач, свистки и вой

Мчится к бедной проститутке
Постовой городской.

Увели... Темно и тихо.
Лишь в ночной пивной вдали
Грамофон выводит лихо:
«Муки сердца утоли!».

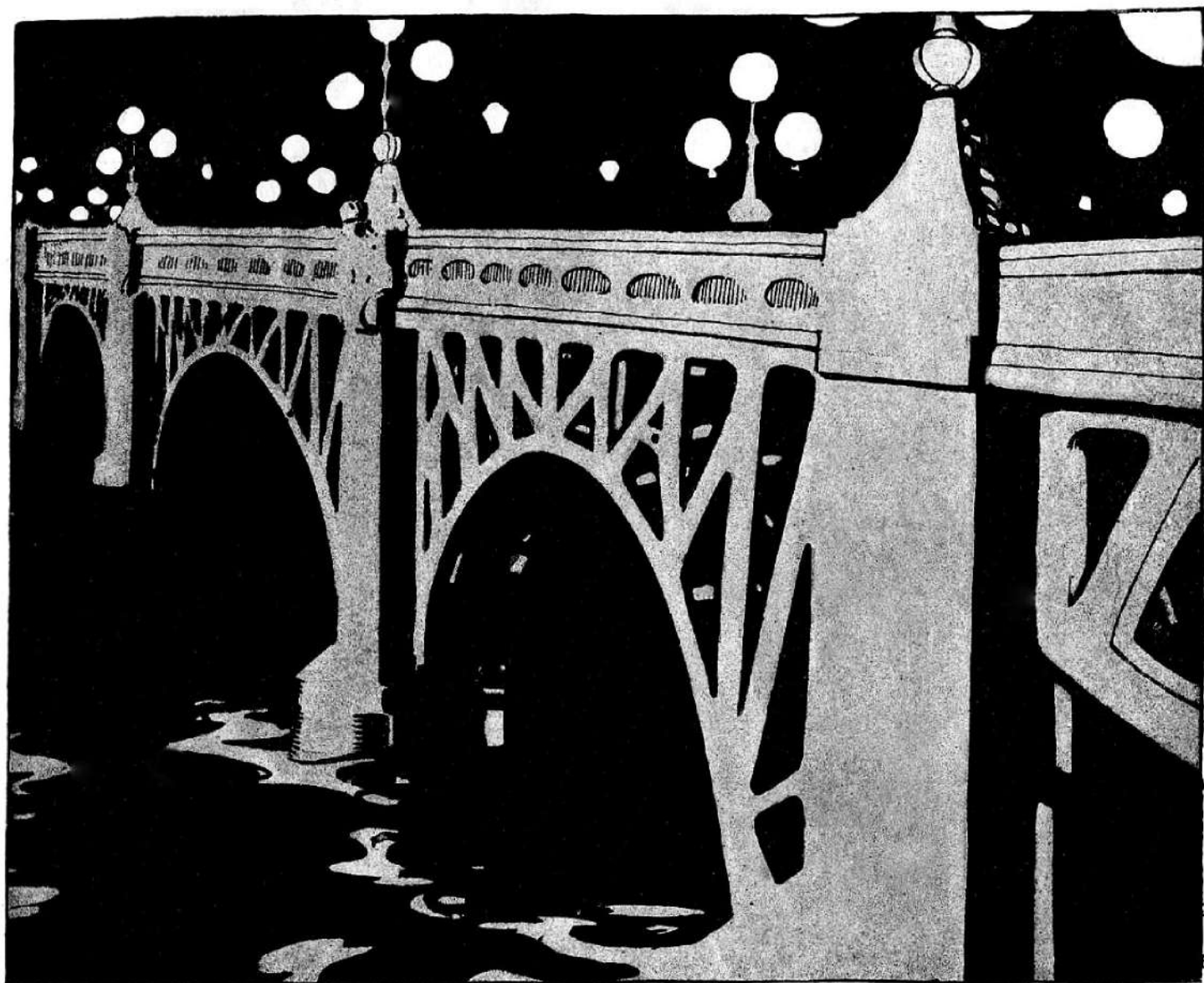
Саша Черный

Рис. А. Юнгра.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГАМЭНЬ.

— Имѣйте ввиду, барышня,—если вашъ песь порветъ мои
новые брюки—взыщу по счету отъ Тедэски!

Троицкій мостъ.

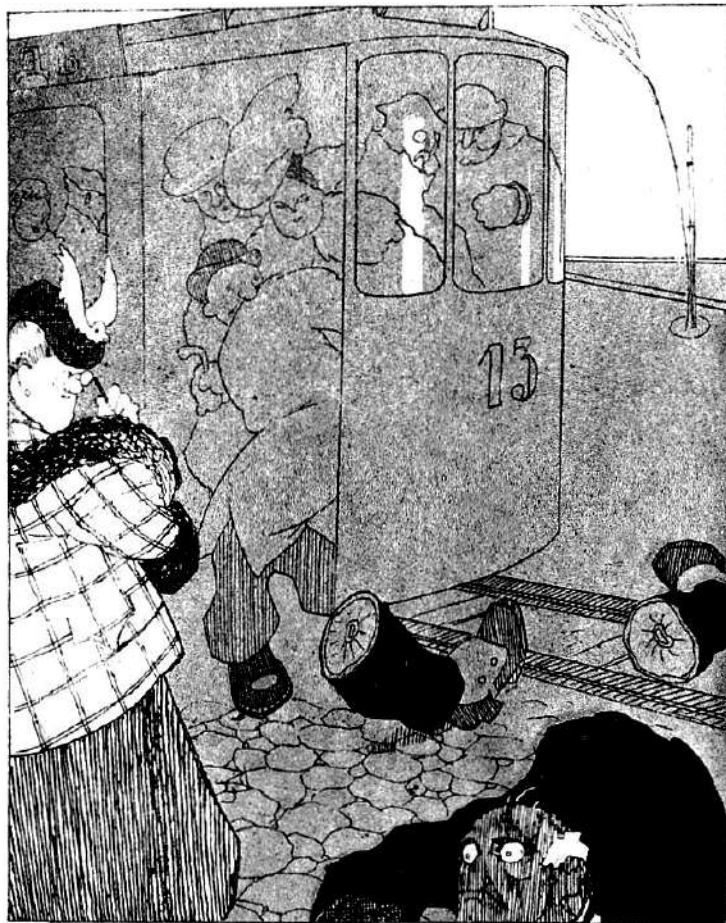
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТРАМВАЙ

Прямая цель петербургского трамвая, это — не только ломать ноги, руки и прочие Богом данные петербуржцам конечности, — но и воспитывать в людях терпение и незлобие.

Есть петербуржцы, которые, несмотря ни на что, все-таки лелеют в глубине души тайную надежду, — прокатиться на трамвае.

Подстерегши удобный момент, один из таких петербуржцев разгоняется с тротуара и, как тигр, прыгает на площадку вагона.

Рис. В. Невская.

Т Р А М В А Й.

Трамватическое повреждение петербуржцев.

Если он прыгнул на переднюю площадку, то вагоновожатый и кондуктор, на точном основании закона, как котенка, швыряют его за борт, с любопытством следя за тем, попал он под колеса или нет.

Если же ему посчастливилось прыгнуть на заднюю площадку, то он минут пять висит на руках, беспомощно перебирая в воздухе ногами, пока подошедший кондуктор не сбрасывает его на мостовую:

— Нет местов!..

При этом, подобно лицемерному попу, сулящему прихожанину в будущем царство небесное, кондуктор нагло обещает:

— Пожалуйста в следующий! В следующем есть местечко.

Это они говорят так потому, что, благодаря службе, им никогда не приходилось заглядывать «в следующий». И всякий кондуктор искренне убежден, что следующий то именно и будет тот вагон, который вас устроит.

Мы пытались указать одному кондуктору на то, что если его вагон в отношении следующего — предыдущий, то в отношении предыдущего вагона — он следующий. Кондуктор остался к нашим словам совершенно равнодушен и выразил некоторое сочувствие только в том, что сбросил нас с задней площадки вместо передней.

Теперь, впрочем, пассажирам стало свободнее, потому что трамвай передавил массу прохожих и поэтому народонаселение уменьшилось.

Статистика говорит, что через сто лет из петербуржцев останутся только вагоновожатые и кондукторы, но и те, передавивши своих жен, будут лишены возможности размножаться и — постепенно вымрут.

Таков будет конец Петербурга!..

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Со времен Гоголя он очень изменился и нельзя сказать, чтобы эволюция была в его пользу.

Исчезла, ушла своеобразная поэзия Невского проспекта. Шум трамвайных звонков, пыхтение солидных автомобилей заменили прежнюю сравнительную тишину.

Изменились люди.

Пылкие поручики Пироговы и сентиментальные немочки, не могущие удержаться, чтобы не начать танцевать при первых звуках музыки, — вымерли и их место заняла совсем другая публика.

Публика пара, электричества.

Разврат стал утонченнее.

Обман — искуснее. Виртуознее.

По солнечной стороне Невского проспекта, бойко стуча высокими каблуками, пробегала быстрой походкой барышня.

Барышня как барышня. По Невскому таких проходят ежедневно тысячи.

Но старая, опытная гончая собака учуяла, очевидно, в барышне какие-нибудь особые скрытые достоинства, потому что не без причины от самой Ко-

нюшенной преследовала добычу.

Солидный пожилой господин в дорогом, шикарно сшитом пальто и с палкой, увенчанной золотым набалдашником, то забегал вперед, то пропускал барышню, остановившись около какой-нибудь витрины.

Рис. В. Невская.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ.

...По солнечной стороне Невского проспекта, бойко стуча высокими каблучками, пробѣгала быстрой походкой барышня...

Преследуемая, в конце концов, заметила преследователя — и, приостановившись, бросила на него быстрый, любопытный взгляд.

У Аничкова моста они уже шли рядом.

На углу Литейного проспекта уже разговаривали.

Свернувши на малолюдную Надеждинскую, они приостановились. Барышня что-то сказала, застенчиво потупив глазки. Пожилой господин вынул записную книжку, отметил золотым карандашом сообщенное и, пожав долгим пожатием руку собеседницы, уехал на следовавшем за ним шагом экипаже.

Это было через две недели в квартире хорошенькой барышни. Они уже настолько хорошо были знакомы, что знали друг о друге почти все.

Он — что она сирота, живет какими-то уроками и зовут ее Маргаритой.

Она — называла его Иваном Львовичем, знала, что он состоит директором в каком-то банке и что у него денег много, очень много...

Они настолько хорошо познакомились, что в данный момент, например, она сидела у него на коленях в костюме, который мог бы самого целомудренного человека навести на грешные мысли.

— Так ты говоришь, что полюбила меня?.. Представь себе, никому я никогда не верил, а тебе почему-то верю. Почему бы это?

— Потому, что ты милый, — объяснила Маргарита, целуя его за ухом.

Это бездоказательное объяснение совершенно удовлетворило Ивана Львовича. Он зажмурился от поцелуя, как кот, и сказал:

— Так как все мы смертны, а я не хочу, чтобы моя Гретхен, в случае чего, осталась на бобах, то я тебе дам вот эту штучку.

Иван Львович вынул из кармана вексель на пять тысяч по предъявлению и положил перед Гретхен.

— Это вексель. Но с моей подписью все равно, что деньги. Возьми, мое счастье.

Гретхен заплакала.

— Грех вам обижать меня так. Разве я из-за денег... Не надо мне этого.

Вексель удалось навязать с большим трудом...

Это было еще через две недели.

Гретхен билась в истерику, а Иван Львович ее утешал:

— Ей-Богу, нигде я не был! Разве я тебя на кого-нибудь променяю... Черт его знает, откуда взялся этот волос на сюртуке... А ты сейчас — сцену.

Маргарита вскочила с пылающим лицом.

— Ты... может быть, думаешь, что если даешь мне деньги, так можешь мне изменять. Так вот же тебе твои деньги!!!

И, выхватив из шкатулки вексель, девушка в исступлении изорвала его в клочья.

Иван Львович посмотрел на нее с тайным чувством уважения и сказал, растроганный:

— Гретхен — ты редкая девушка! Но вексель ты порвала напрасно — я напишу другой.

Несмотря на сопротивление и протесты девушки, он тут же вынул из бумажника вексельный бланк и написал другой вексель — на десять тысяч.

Однажды Иван Львович опоздал против условленного времени на целых два часа.

Были слезы, упреки и опять несдержанная, экспансивная девушка, в припадке женского самолюбия, выхватила десятитысячный вексель и клочья его бросила в лицо любовнику.

— Вот тебе твои деньги.

С тупым упорством Иван Львович опять возобновил изорванный вексель. Это повторялось еще четыре раза...

Иван Львович, шутя, жаловался, что Гретхен разорит его на одной вексельной бумаге.

Но украдкой утирал слезы умиления.

— Ей не нужно золота. Она сама золото.

Иван Львович позвонил у дверей Маргариты и прислушался. Ответа не было. Он позвонил еще и еще.

В квартире будто вымерли.

Швейцар снизу поднялся на площадку и сообщил:

— Барышня выехали.

— Ка-ак? Куда?

— Надо быть, совсем. Чернявый и вещи перевозил.

— Какой чернявый?

— Да тут... ходил к ней, молодой такой... ночевать оставался часто.

Не помня себя, Иван Львович выбрался на улицу и, расстроенный, погнал кучера домой.

— Но ведь она клялась в любви... Зачем же эта ложь... Что ей был за смысл?!

У себя на письменном столе он нашел этот смысл.

В холодном официальном письме присяжный поверенный писал о том, что ему представлены для взыскания шесть векселей Ивана Львовича по предъявлению, на общую сумму пятьдесят пять тысяч рублей, и спрашивал, — угодно ли оплатить их, как бесспорные, немедленно, или придется взыскивать деньги судебным порядком.

— Черт ее побери!! Но как она эффектно рвала чужие векселя, выдавая их за мои!! И, вероятно, эти поддельные писал ей «чернявый».

При этой последней мысли во рту Ивана Львовича сделалось горько...

Из соседней комнаты донесся тонкий голосок сына Сережи, который, покачиваясь на деревянном коне, распевал во все горло:

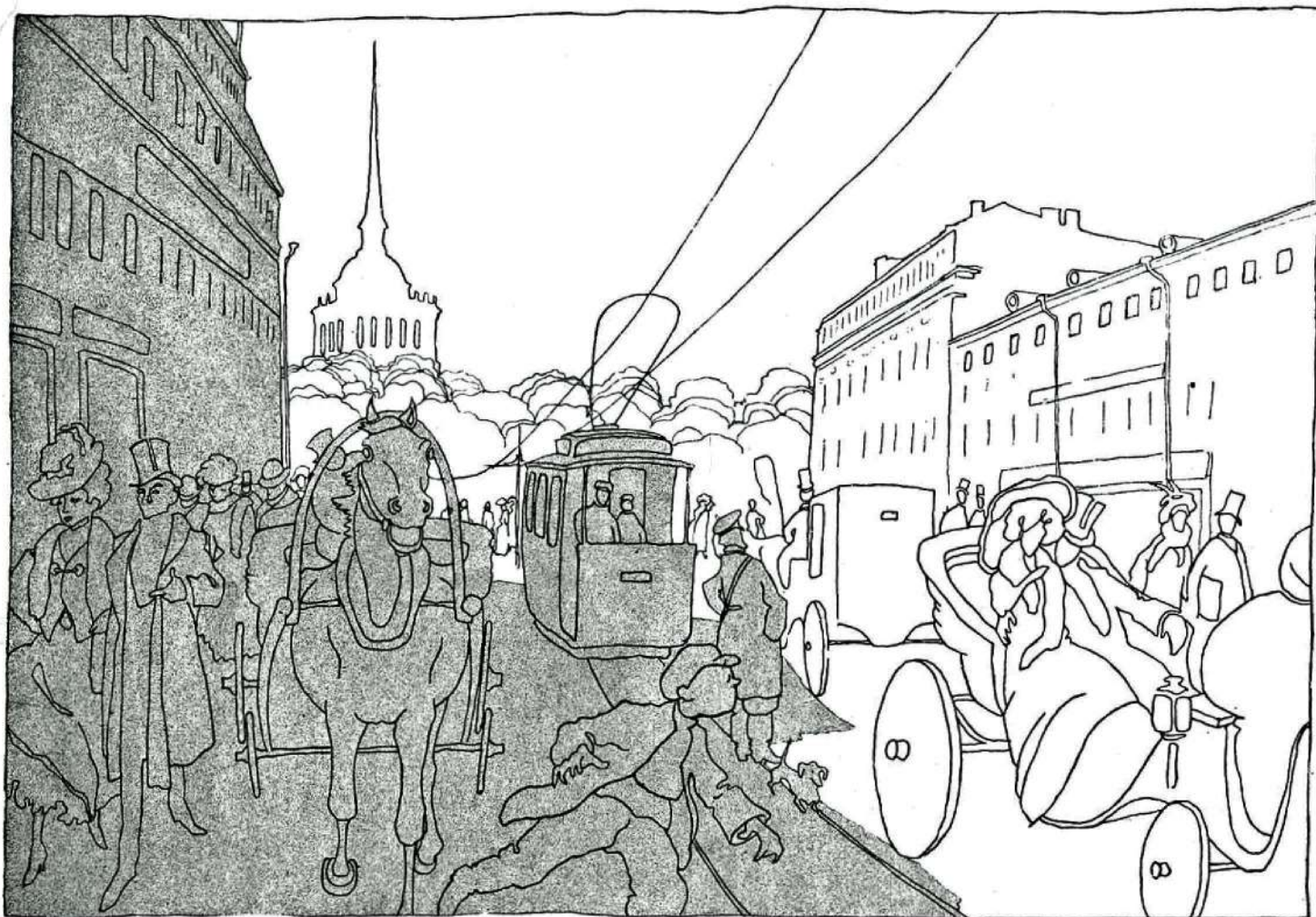
Маргарита, пой и веселися,
Маргарита, смейся и резвися!..

С исковерканным от злобы лицом подскочил к нему отец и, потрясая кулаками, закричал:

— Если ты, негодяй, не перестанешь петь этой идиотской песни, я тебя вышвырну в окно вместе с твоей глупой нянькой!!

Невский проспект по-прежнему невозмутимо тянулся вдаль широкой, прямой лентой.

По-прежнему по нему пробегали, стуча каблучками, милые застенчивые барышни и их по-прежнему преследовали пожилые седые серые волки...

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ.

...Невский проспект, по прежнему, невозмутимо тянулся вдаль широкой прямой лентой.

ЛЕТНИЙ САД

Достоевский сказал:

— У каждого человека должно быть место, куда он мог бы пойти!

Это прочли и устроили Летний сад.

Правда, некоторые старожилы утверждают, что Летний сад устроен раньше Достоевского, но, так как я основываюсь только на строго проверенных историко-литературных данных, то веры этому утверждению не придаю никакой...

С научно-ботанической точки зрения, Летний сад представляет собрание деревьев, с похвальной прочностью прикрепленных нижним концом к земле, а верхним концом поднятых высоко в воздух, чтобы ветви и листья не мешали прогуливаться публике. Я слышал, что многие другие сады тоже переняли это практичное и несложное устройство.

Чтобы гуляющие, по рассеянности, не сваливались в Неву или канавку, — сад окружен прочной крепкой решеткой, что раз навсегда устранило возможность этих ужасных, потрясающих по своему драматизму случаев.

Внутри сада расставлен целый ряд безносых мраморных фигур — с целью ли украшения или наглядного убеждения охранять свое здоровье — не знаю...

По крайней мере, когда мне впервые пришлось попасть в Летний сад и подробно осмотреть статуи, я подошел к выходу и с любопытством спросил привратника:

— Скажите, для дам у вас вход по пятницам?

— Никак нет. Семь дён у неделю.

— Неужели это учреждение действительно решило проводить принцип: на одной неделе семь пятниц?

— Не могу знать.

Я опять вернулся к безносым фигурам и снова с дрожью ужаса и отвращения осмотрел их.

Огромные язвы покрывали все их нежное, белое когда-то тело. Пятна расплазались по груди, спине, рукам, таились во всех изгибах и углублениях. Отсутствие носа придавало наглый, нахальный вид кротким лицам бывших Аполлонов и Венер, а отсутствующие пальцы и кисти рук свидетельствовали о потере богами полной трудоспособности, требовавшей самого энергичного участия адвоката по увечным делам.

Было грустно и страшно.

Я ходил будто бы по анатомическому отделению паноптикума...

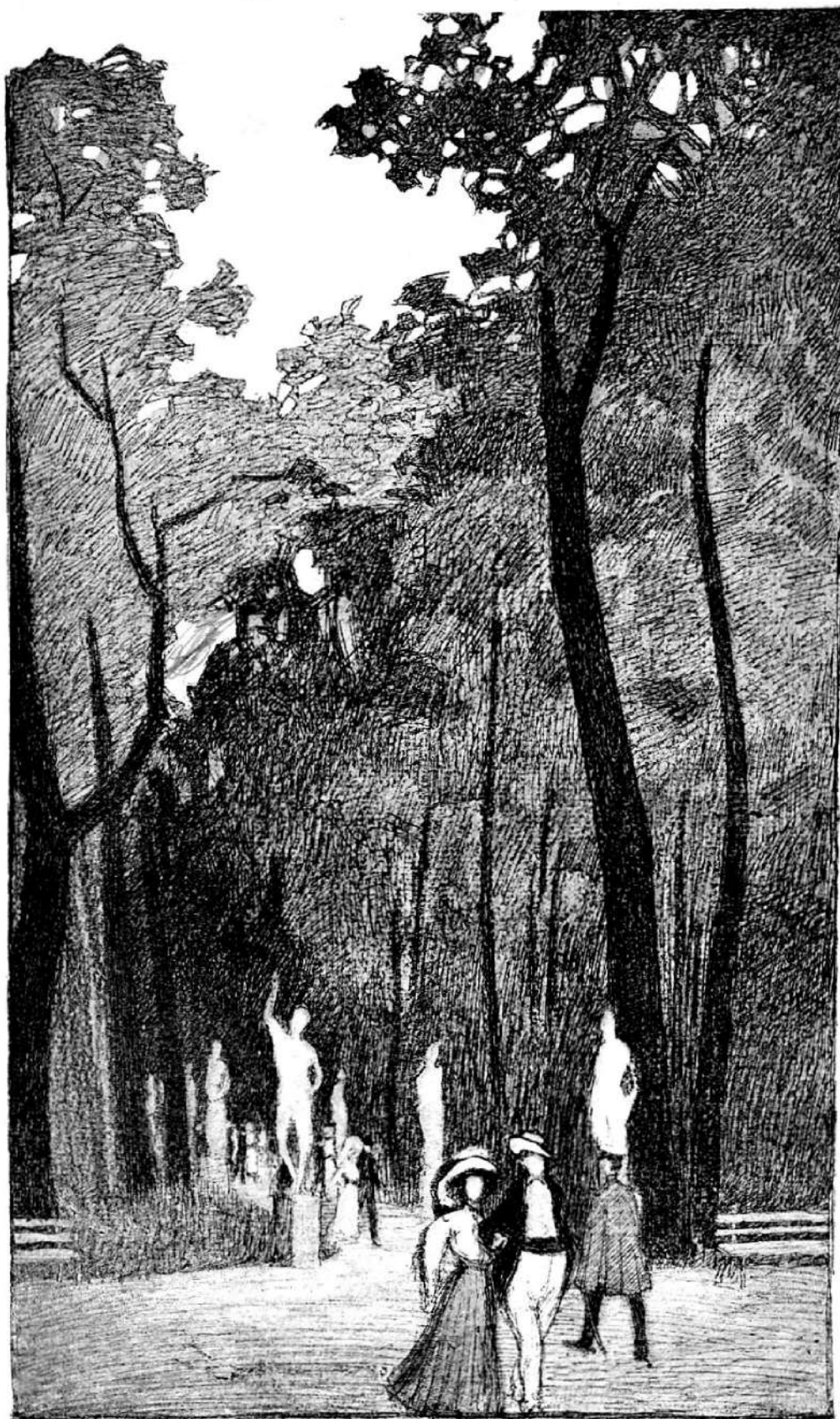
«Для дам вход по пятницам».

Они бывают здесь каждый день.

Иногда — два раза в день.

Разодетые, покрашенные в самые веселые, яркие, прочные тона, они обжигают вас таким жарким взглядом, что нужно быть только ожиревшим, тя-

ЛѢТНІЙ САДЪ.

желым петербуржцем, чтобы не воспламениться.

Они пьют здесь чай, шоколад, какие-то кислые воды, даже едят лактобациллиновую простоквашу — все это, чтобы вскружить кому-нибудь голову.

Ходят по дорожкам попарно. Взгляд самоуглубленный, будто решающий сложную проблему собственного бытия, но при встрече с представителем грубого пола, тяжелая завеса полуопущенных глаз подымается и в пространство летит тихая фраза:

— Троицкая, 120, квартира 70!

Опять самоуглубленный меланхолический взгляд, опущенные глаза.

Может быть, это не она сказала?

Съездите — узнаете.

Утром Летний сад — царство няnek с детьми.

Вы мне можете поверить это на слово, если даже не видели «Пиковой дамы»:

Каждый здесь живет своей личной жизнью.

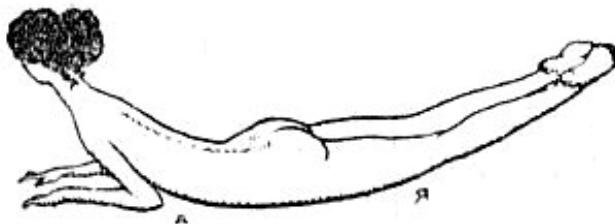
В то время, когда головокружительный писарь беседует с нянкой о предметах известных — ребенок тщательно набивает себе рот песком или делает все, доступное его узкому кругозору, чтобы как можно бесследнее свалиться в пруд.

К часу или двум — песок вынимается изо рта ревущих ребят, часть ребят вынимается из пруда, сушится; под завязкой романа пишется традиционное «продолжение следует» и ребята исчезают из сада.

С течением времени ребята вырастают, и одна половина их гуляет лениво по дорожкам в лоснящихся цилиндрах или правоведских фуражках, а другая, потрясая разноцветным огородом на голове, встречается с первой половиной, поднимает тяжелую завесу полуопущенных глаз и шепчет, смотря в другую сторону:

— Троицкая 120, квартира 70.

Безносая Венера напускает на лицо каменное выражение, боясь ехидно улыбнуться.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ АЗАРТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг;
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого волосы подъяты в беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке, —
Знай: это —

петербуржец, играющий или в карты, или на скачках или, — что чаще всего, — совмещающий в себе разом эти две добродетели.

Иногда этот господин не наг, а, наоборот, облачен в костюм от лучшего портного. Вместо мрачности туманного Казбека, на лбу у него сияет солнце, и волосы не подъяты в беспорядке, а приглажены дорогим куафером... Но он все-таки дрожит в нервическом припадке — потому что он выиграл и *хочет выиграть еще*. Приводя в исполнение это вполне понятное и не караемое законами желание — он постепенно лишается блеска изящного костюма, золотых часов, колец и остается только при лбе «мрачней туманного Казбека» и волосах, в беспорядке подъятых над этим мрачным лбом.

Вот весь его инвентарь.

Потом, неведомым образом, солнце опять продирается сквозь тучи и освещает веселым блеском и шикарный костюм, и золотую цепочку, и приглаженные волосы, и иногда даже дорогой автомобиль дорогой француженки, пока все это не съедает нервический припадок.

Так петербуржец возносится кверху и низвергается книзу до тех пор, пока у него есть хотя микроскопический кредит.

Если он лишается каким-нибудь образом этого света и воздуха петербуржца — у него остаются два исхода: или застрелиться, или пойти в арапы.

Простодушный человек может подумать, что такой несчастный игрок мог бы сначала пойти в арапы, а потом уже застрелиться, — но эта мысль достойна только очень простодушного человека.

Арапы не стреляются!

Мы знали многих арапов, которых давил трамвай, которые умирали от холеры, от желтой лихорадки и даже бери-бери, но никто из них палец о палец не ударил для того, чтобы застрелиться.

Не арапское это дело.

Когда у нас будет год-другой свободного времени — мы займемся специальными этнографическими изысканиями по арапскому вопросу и выпустим многотомный труд о них с рисунками и политипажами в тексте.

ВЪ КЛУБЪ ЗА МЯКАО.

Пока же можем указать только на самую яркую и главную особенность этого загадочного арийского племени — занимать у игроков деньги без отдачи и ставить рубль на карту, забирая его, если он выигран, и не отдавая, если он проигран.

Это предприятие настолько выгодно и безубыточно, что невозможно даже определить процентов прибыли на затраченный капитал.

В Петербурге нам был известен только один арап, который не занимался своим настоящим делом — это арап Петра Великого.

Иногда петербуржец скачет.

Этот глагол отнюдь не обозначает времяпрепровождения, заключающе-

гося в известных телодвижениях и прыжках — для этого петербуржец слишком уныл и солиден.

Нет. Петербуржец играет на скачках.

Когда он начинает это делать, то страшно привязывается к двум вещам: литературе и детям.

Целый день он читает скаковую афишку и признает за людей только конюшенных мальчиков.

Дети вообще и девочки в частности глубоко ему безразличны. Конюшенные мальчики — вот его «цветы жизни». С ними он проводит все время, ласкает их, одаривает подарками, угощает, и иногда так долго нянчится с конюшенным мальчиком, что у того появляется окладистая борода.

Конкурировать с мальчиками могут только два разряда взрослых — жокеи и тренера.

Наняничавшись с мальчиками, угостивши тренера и давши жокею несколько монет, петербуржец спешит к билетной кассе, берет «три билета на Падишаха» и проигрывает.

Ругает сырую почву, стартера, вице-председателя скакового общества, буткетчика, потом идет к конюшенному мальчику и возобновляет с ним тесную, теплую дружбу.

Получивши директивы, спешит к кассе и берет пять билетов на «Ласточку».

Скача в хвосте, «Ласточка» салютует ему выхоленным собственным хвостом и игрок, додумавши, принимается костить кассира, продавца афишек, прохожего мужика и извозчика, который везет его домой.

Образ конюшенного мальчика воскрешает в его мозгу прекрасное изречение:

— Идите учиться к детям — их есть царствие небесное...

ВЕСЕЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Ленивый, жадный, легкомысленный, бедный до нищества, богатый до пресыщения, скупой, щедрый и бестолковый — вот веселящийся Петербург — Петербург шампанского, матчиша, кружевной, бриллиантовый, веселый — той особенной петербургской скукой, которую какой-то ошалевший от собственной гениальности декадент назвал «зеленой».

Петербург весел зеленой скукой.

Летом, когда белая ночь, объявши Петербург с ласковым упорством надоевшей любовницы, бережит и тревожит без того издерганные нервы петербуржца, когда Нева застывает, пронизанная молочным светом, а Троицкий мост особенно ясно выгибает свою могучую спину, сверкающую бриллиантами электричества — это особенно чувствуется.

Расползаются, рассыпаются по садам богатые, веселые, бедные, скучные — не потому, что хочется, а потому, что — надо.

Зачем, кто этого требует — узнайте!

Мировой город имеет свою собственную железную логику и волю, которой безропотно покоряется пыль человеческая.

Рис. В. Невская.

САДОВАЯ ЭТУАЛЬ.

Все горит и пылает в анемичном свете белой ночи: Крестовский, Аквариум, Зоологический...

— К нам пожалуйста!

— Нет, к нам!

— У нас слоны матчиш танцуют!

— А у нас девица голая танцует!

— Это что! А у нас акробаты без сети полет делают!

— Подумаешь! А у нас женская борьба!

— А к нам носорог пришел!!.

Против этого уже не возразишь. Никакой подделки быть не может.

Крестовский сад — считается фешенебельным. Там дороже все, начиная от котлет де-воляй до испанок включительно. Но там и скучнее. Цвет самый зеленый, последний крик модной скуки.

Приезжают на автомобилях, зевая, смотрят сногшибательную программу и, зевая, пьют шампанское.

Счета подписывают редко.

Аквариум элегантнее, веселее.

Масса света, трехаршинная программа.

На открытой сцене показываются фокусники и велосипедисты самые замысловатые, акробаты самые головоломные.

Народонаселение сцены географически самое пестрое: испанцы, индейцы, буры, американцы, китайцы и японцы.

Рис. В. Невская.

НА ОТКРЫТОЙ СЦЕНЬ.

Кэк-уокъ.

И, конечно, над всем этим царит король кэк-вока — хохочущий, пляшущий и поющий — негр, черный, как ночь, и веселый, как день.

Открытая сцена без негра, а иногда и пары, а иногда и полдюжины — сделалась странно звучащим анахронизмом.

Нет танца, кроме кэк-вока, и негр пророк его.

Зоологический сад может вполне справедливо обижаться на Крестовского за то, что тот не включил его в свои «Петербургские трущобы».

Войдя туда, вы сразу попадаете в кашу мелких сутенеров и дешевых коко-ток.

Небольшой процент обыкновенной публики смотрит на все дико и держится осторожно.

Завсегдатаи — разные громкие немцы, веселые приказчики и тихие аптекарские мальчишки, держащие себя крайне фармацевтически.

Пышный букет мелкого хулиганского юмора.

Два рослых парня, показавши небрежно много-подержанные контрамарки, с независимым видом входят в сад, причем один первым долгом осведомляется:

— Монеты есть, Сережа?

— Две пива сделать можно.

— Черт возьми — мало!

На лицо друга Сережи налетает облачко мимолетной грусти... На повороте аллеи показываются две зоологические девицы, сверкая Тэтовскими сокровищами, и с лица друга Сережи моментально слетает трагическое выражение.

— Mesdames! Кого я вижу?! Получили ли вы мое заказное письмо, в котором я предлагал вам квартиру на Дворцовой, пять тысяч на булавки да столько же на иголки и нитки?!

Девицы ухмыляются.

— Да мы вас, простите, и не знаем... И письма никакого не поручали...

— Я так и думал! Интриги черного кабинета.

— Я бы выпила пива, — говорит неопределенно одна девица, смотря на щедрых друзей.

Сережа толкает незаметно друга в бок и делает презрительно-барский жест:

— Пиво?! Фи, mesdames! Это так вульгарно. Что бы вы возразили против икры, омаров и пары-другой рябчиков?

Лица девиц озаряются ослепительным нездешним светом.

— Милые! Пойдемте!! Какие вы хорошие. Сейчас видно благородного гостя.

Сережа строго смотрит на друга и добавляет:

— А потом залить это парочкой кристалля и закончить кофе с абрикотином... Самый дамский ликер.

Ноздри девиц раздуваются, как паруса. Но когда одна из них берет Сережу под руку, друг его неожиданно, будто что-то вспоминая, качает головой.

— Нет, Сережа... Моя святая обязанность — удержать тебя от кристалля. Шампанское на тебя очень скверно действует. Представьте себе, он вчера у

ВЪ АКВАРИУМЪ.

Контана, напившись, сломал рояль и разбил люстру. Сто рублей пришлось отвалить!

Девицы вскрикивают от ужаса и восторга. Сережа хмурит брови и говорит строго товарищу:

— Миша! Какое кому дело до моей личной жизни? Прощу без опеки! Что тебе, денег жаль, что ли?

— Да, но четыреста рублей за вечер!

Махнув безнадежно рукой на расчетливого Мишу, Сережа берет девиц под руки и решительно говорит:

— Andiamo, мои карочки!

Миша решительно хватается друга за плечо.

— Нет, ты не уйдешь! Надо же, наконец, прекратить это пьянство... И потом, у тебя сегодня всего полтора ста рублей! Что можно сделать на эти деньги?

— Да я скромненько, Миша... Две-три бутылочки Кристалл или Мумма... Ликерцу...

Одна из девиц шепчет ему:

— Брось этого Мишу! Уйдем без него. Увидишь, как весело будет.

На Сережу нападает прилив благородства.

— Бросить его? Никогда! Он мне в прошлом году спас жизнь. Когда была холера, он однажды не принес мне фунта яблок... Принеси он их — быть бы мне уже на кладбище. Как же я могу бросить такого человека?!

— Ну, мы съедим только по бифштексу и выпьем бутылку красного вина! — с энергией отчаяния предлагают девицы, чувствуя ускользающую почву.

— Нет! Я не желаю, чтобы со мной кто-нибудь себе в чем-либо отказывал! Я слишком джентльмен, чтобы кормить дам вульгарными бифштексами. Рябчики, Кристаль, абрикотин... Миша!

— Никогда! — жестоко отрезывает Миша.

— Ну и характер! — качает головой его друг и говорит, разводя руками:

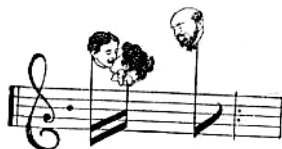
— Что ж делать, mesdames?! Мое желание повеселиться с вами разбилось о педантичное желание друга Миши соблюсти в чистоте мою добродетель. Andiamo, amico!

Друзья с изысканной вежливостью обнажают перед огорченными девицами головы и, взявшись под руку, исчезают в буфете.

Сидя за столиком перед скудной парой пива, улыбаются, как авгуры, и потом со скучающим видом наблюдают за полусонными лакеями, выводящими красного, пьяного бушующего немца.

Белая ночь окрашивается розовым цветом и умирает.

Это идет петербургское веселое утро.

БОРЬБА

Это одна из многочисленных слабостей петербуржца.

По традиции, местом борьбы избирается Летний Фарс и, по традиции, королями борьбы, рыцарями без страха и поражения, но с многочисленными упреками со стороны публики, должны быть Лурих или Аберг.

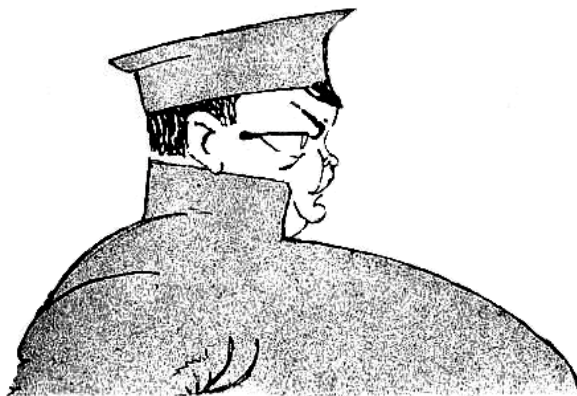
Иногда — тот и другой.

Все заранее знают, что кто бы с кем ни боролся, кто бы ни производил впечатления человека слоновьей силы и обезьяньей ловкости — все, в конце концов, будут лежать под Лурихом и Абергом.

Знают — и все таки смотрят.

Организатор борьбы, знаменитый студент Лебедев, искусно регулирует симпатии и антипатии публики и с талантом опытного дирижера управляет несурзной горой человеческого мяса и мускулов.

В сущности, драматическая сцена потеряла в нем хорошего актера, потому что он большой притворщик и имитатор...

Г. Лебедевъ.

Например, борется Лурих с каким-нибудь Янковским.

Все знают, что в первый раз борьба будет вничью.

Все знают: публика, капельдинер, судьи, даже мальчишки за барьером.

Знают также все, что после этого будет назначена бессрочная борьба до результата, в которой Янковский через несколько минут будет лежать на лопатках.

Этого не знает только один Лебедев.

Едва борцы сходятся, он с нескрываемым интересом начинает следить за каждым их движением, показывая этим, что каждый малейший жест борющихся и неправильный трюк должны быть отмечены для потомства в истории русского спорта.

Он обойдет их раз двадцать и, когда борцы лежат друг на друге, то обязательно нагнется и заглянет им под животы: все ли там у них по правилам?

По истечении десяти минут он подходит к рампе и со скорбью в голосе, не умея даже скрыть душевного сожаления, что такое интересное зрелище долж-

но приостановиться, говорит: «Одна минута перерыва!»

Когда же, в решительной борьбе, Лурих положит Янковского, Лебедев долго, с искренним удивлением и уважением, смотрит на Луриха, пораженный, очевидно, что борьба закончилась именно так, а не иначе.

Большой актер!

Публика устраивает победителю шумную овацию, которую она могла бы устроить и за час до борьбы, так как всем должно быть ясно, что путаницы произойти не может.

И, как в библии перечислено, что Авраам роди Исаака, Исаак — Иакова, так и здесь можно написать с весны течение летнего чемпионата: Лурих положи Аберга, Аберг положи Мурзука, Мурзук положи Янковского и Янковский положи какого-нибудь Городничина.

И положат.

CAFE DE PARIS

Катакомбы...

Правда, имеющие очень мало общего с древними христианскими катакомбами, но тоже сырые, зловещие, с нависшим потолком, набитые щедро женским мясом.

Здесь им торгуют.

На вынос, или — лучше сказать, на вывоз.

С шумного Невского проспекта мы входим в полутемное преддверие рая и, отраженные стенными зеркалами, спускаемся по ступенькам в сафе.

Из-за каждого столика на нас устремляется тупой равнодушный взгляд.

«Они» очень опытни.

С первого взгляда определяют безошибочно: стоит или нет?

И, если стоит, то вас догоняет искусственно-ласковый голос: «Дуся... Сядьте сюда!»

Мы садимся за столик и посматриваем на свою соседку.

Она сделала все от нее зависящее, чтобы походить на шикарную, дорогую кокетку.

Покушение с негодными средствами.

Выкрашенная в желтую краску шевелюра кое-где перебивается прядями незакрашенных волос.

Краска чуть ли не та, которою в летнее, ремонтное время красят двери и окна...

Руки в бриллиантах, в браслетах.

Тэт и новое золото, по ее расчетам, должны производить на неопытного гостя ошеломляющее впечатление.

Недостатки шляпы, полинялый, жалкий вид перьев маскируются необъятной величиной.

И вся девица, с ног до головы, производит какое-то ненастоящее тэт'овское впечатление.

CAFÉ DE PARIS.

— Дуся! Угостите шеколадомъ!..

Под сторублевую кокотку.

Она поднимает на нас измазанные какой-то дрянью глаза и говорит с притворным равнодушием:

— Дуся! Вгостите шеколадом.

Неприменно — «вгостите».

Если «вгостить» ее шеколадом — она считает первую брешь в холодной официальности отношений пробитой, и атака ведется дальше — уверенно и энергично.

— Как вас зовут, штатский?

— Колей, — наобум отвечаем мы.

— Коля... У меня был офицер знакомый Коля. Хоро-ошень-кий — на вас похож.

Этот дурацкий копеечный комплимент принимается нами так же, как и говорится: с самым холодным равнодушием.

— А вас как зовут?

— Эммой.

И соврала.

— Ты куришь, Коля?

Спросила и смотрит: как мы будем реагировать на эту неожиданную фамильярность.

Если нахмуримся, она моментально перейдет на прежнее «вы», если пропустим мимо ушей — атака ведется дальше.

— Не куришь? Какая жалость. Человек! Дай десяток «Зефиру».

Тон становится увереннее. Начинает чувствовать себя чуть ли не полноценной супругой.

Дальнейшее требование пирожного, мороженого и наше молчаливое на это согласие вызывает у нее какой-то каббалистический знак по направлению дальнего столика.

Приближается другая жрица катакомб.

Краска, Тэт, подшибленные перья на шляпе.

— Моя подруга — Настя. Познакомьтесь.

Мы заключаем новое интересное светское знакомство.

Начинается светский разговор:

— Был у тебя вчера Володька?

— Ну его к черту! Путается где-то.

Обращаются к нам:

— Вы знаете, Коля, Володьку?

— Как же! Это светлая, симпатичная личность. Память о нем всегда будет жить, окруженная светлым ореолом, в моей наболевшей груди!.. Человек! Сколько здесь следует?

Последний возглас производит впечатление разорвавшейся бомбы.

— Дуся... Куда?! Уже! Неужели уходишь?

— Да, мне надо еще зайти в Совет Министров, потолковать кое о чем с Петром Аркадьевичем. Ты его знаешь?

Это тупое, ничем не интересующееся существо даже не слыхало о Столыпине, хотя от нас требует, чтобы мы знали ее Володьку.

Перья шляпы щекочут наше ухо. Рука прижимается к руке и мы слышим

фразу, которая является венцом ее примитивного, несложного обольщения:

— Милый! Поедем ко мне.

Мы высвобождаем руку и говорим с напыщенной вежливостью:

— Мы никогда не позволим себе воспользоваться доверчивостью кроткой, не знающей жестокого испорченного света девушки и не злоупотребим ее хорошим к нам отношением. Привет уважаемой мамаше, папаше и всем родственникам. Addio, пеннорожденная!!

Разочарованная, она садится на прежнее место и мы слышим ее шепот, но уже обращенный к другому:

— Дуся! Вгостите шеколадом.

Сегодня вечером нам, вероятно, изменят.

ЗАК ЛЮЧЕНИЕ

Вы, подписавшиеся для забавы и смеха на «Стрекозу» за 1908 год! Вот перед вами прошла вся жизнь Петербурга, с его веселой, грустной и нелепой сумятицей... Читайте и помните! Читайте и помните! Нет страны более дикой, чем Россия, и Петербург столица ее! И если вы приедете в Петербург и вам не повезет в нем и не понравится он вам, знайте, что он, в сущности, милый, безобидный город и только бестолковость его может огорчить вас... И если вас будут там, в далекой провинции, уверять, что в Петербурге хороший климат, не верьте им... И если будут клясться, что климат в Петербурге плохой, и тем не верьте! И если будут убеждать вас, что Петербург хороший город или что он плохой город, не верьте ни тем, ни этим. Потому что Петербург меняется каждую минуту, и иногда в летние погожие вечера он безумно красив, а когда льет грязный осенний гнилой дождь, он похож на забрызганный грязный подол старой развратницы... Но кто раз попал в Петербург, из него не уезжает, а если и выедет, то в сопровождении погребальных факельщиков по первому или второму разряду... Или без всякого разряда... Но тает воск, но кончается последняя страница веселого «Всепетербурга» нашего... И усталая рука должна поставить всезаключающую, безнадежную, как смерть, точку.

Книга публикуется по первоизданию:

Современный Всепетербург. Под ред. А. Т. Аверченко. С илл. В. Н. Невского,
А. А. Радакова, Н. В. Ремизова (Ре-Ми), А. Юнгера и др. СПб., изд. М. Г.
Корнфельда, 1908.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, однако
сохранены определенные особенности авторской пунктуации и написания
имен. Исправлены некоторые очевидные опечатки.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRAP.V.V.